Кирилл Берендеев

ОТРЯД НАНДО БРУГЕЙРЫ

Кирилл Берендеев

Отряд Нандо Бругейры

«Издательские решения»

Берендеев К.

Отряд Нандо Бругейры / К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908181-0

Век двадцатый прошел, исполненный сражениями между государствами или группами стран, гражданскими войнами. Во многих битвах тех времен принимали участие наши отцы, деды, прадеды. За что сражались и умирали они, во что верили, на что надеялись? Оглядываясь назад, можно ли сказать, что их мечтания хоть в чем-то сбылись? И что мы, их наследники, сумели сохранить для будущего?Вторая книга военной прозы автора.

ISBN 978-5-44-908181-0

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора 6
Говядинка 9
Отряд Нандо Бругейры 11
Последний выстрел 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Отряд Нандо Бругейры

Кирилл Берендеев

Корректор Георгий Кулишкин
Фотограф Хосе Брокка
Фотограф Ежи Томашевский
Фотограф Ежи Пиорковский

© Кирилл Берендеев, 2018
© Хосе Брокка, фотографии, 2018
© Ежи Томашевский, фотографии, 2018
© Ежи Пиорковский, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-8181-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Вилли Хюбнер: «Йозеф Геббельс приветствует пополнение из гитлерюгенда»

Удивительно, но это вторая книга военной прозы за недолгий срок. Первая – «Неизвестная война» – включала в себя тексты, написанные тоже сравнительно недавно, и лишь пару небольших рассказов, которым пришлось ждать долгий срок. Вроде бы странный интерес к одной тематике, тем более, для неспециалиста. Хотя, нет. Ведь история, она и в школе изучается по датам войн и переворотов, восстаний и свержений, с самого начала оказывается написанной кровью. А если еще и преподаватель не желает отклоняться ни на йоту от запланированного в министерстве и выдает штампованные и одобренные суждения, выхода остается всего два: изучать самому или возненавидеть.

Так получилось, что наша историчка представляла пример самого твердолобого подхода к предмету. Все, что не вписывалось в канон, отбрасывалось, лишние вопросы вызывали законное подозрение, а попытки рассказать что-то свое – изгнание из класса. Подобное случилось и со мной, кому, волею судеб, была небезразлична история настолько, чтоб заглянуть и по другую сторону этой своеобразной «монеты Одина», на которой дозволялось быть лишь одной вечной решке – орлы воспрещались.

Ныне орла восстановили, но монета не изменилась, исчезла «решетка». И эта однобокость подхода к своему, да и любому прошлому, давно начала претить. Тем более, когда речь шла о Великой отечественной, в былые годы небрежно сокращаемой до ВОВ. Всегда оказывалось две правды о войне: официальная, проще говоря, генеральская, и окопная, в которую генералы спускались разве что, после крупного наступления или внезапно оказавшись в окружении, как это случалось не раз и не два в начале войны. Так получилось, что подростком, мне доводилось часто беседовать с пережившими ту страшную войну, будь то мои родичи, дальние и близкие, оказавшиеся на передовой или в глубоком тылу врага или собственного государства, слишком глубоком, в лагерях, а еще соседи по даче, кавалеры орденов или оставшиеся без наград, отдавшие ей как подношение, часть себя и не всегда в переносном смысле. Одни

рассказывали сухо, другие молчали, но даже молчание это говорило больше, много больше любых слов.

Ну и еще историчка. Она конечно, тоже повлияла на мой жгучий, неугасаемый и по сей день интерес к истории. Ведь невозможно оставаться в стороне после всего услышанного, от своих и чужих узнанного. Хотелось понять, как, почему, зачем все это случилось, что послужило причиной, в чем корень, до которого не так-то легко докопаться и ныне, когда архивы стали открыты, а документы лишились грифа «секретно» или «для служебного пользования». Но теперь появилась другая проблема: вал информации, содержавший сотни правд, приходилось тщательно фильтровать, проверять и перепроверять, искать исходники, и даже находя их, понимать, что и подлинники умеют лгать. Выискивать зерна истины среди большой лжи, в агитках, в намеках, в пустопорожних речах. Она проявлялась, но не сразу, не всегда: в дневниках, разговорах, в случайных, порой, записях. Как же трудно было ее отыскать, но и как приятно понимать, что ты на шаг приблизился к заветной цели.

Честно признаюсь, я до сих пор не представляю, сколько до нее еще.

В прошлом сборнике я писал только о Великой отечественной. Этот расширил рамки, захлестнув век двадцатый и зацепившись за нынешнее столетие, в нем оставляя знакомые до боли следы. Будто ничего не переменилось в нашей истории, даже спустя столько лет, будто менялись только способы ведения войн, а сами они оставались прежними с времен античности, великого Рима.

Да так оно и есть. Первая военная машина появилась еще во втором веке до нашей эры, при консуле Гае Марии, создавшем регулярную армию, так называемых «мариевых мулов». Именно они принесли победу Риму в Югуртинской войне, а затем стали незаменимой силой во всех последующих войнах сперва республики, а затем империи. Удачный опыт не мог оставаться уделом только сверхдержавы, соседи так же начали вводить собственный постоянный воинский контингент. Стоит напомнить, что прежде воевать доводилось либо наемникам-гоплитам в Древней Греции, либо аристократам-всадникам Рима, имевшим деньги на вооружение. И тот и другой путь оказался тупиковым, регулярная армия изменила ход истории. Как и то, что поначалу контрактная армия постепенно стала превращаться в обязательную для всех особ мужеского пола (а затем и женского в некоторых странах, вроде Северной Кореи, Кубы или Израиля). Изменилась и суть войны. Из захвата территорий и племен для порабощения и укрепления границ, притока дешевой силы, она переросла в банальных грабеж и отъем всего необходимого от полезных ископаемых до свежих мозгов. В наше время война стала гибридной, то есть, сочетающей в себе как экономические и финансовые инструменты ведения, вроде эмбарго, торговых войн, санкций и демпинга, так и обычные – ведь никакая кибератака на электростанции или водозаборники не заменит обычного сапога пехотинца, срывающего одно знамя, чтоб на его место повесить другое. Эта роль человека останется еще на долгие-долгие годы, пройдет через века, возможно, будет столь же важной и не только на нашей планете.

Я не заглядываю так далеко. Мой предел – сегодняшнее время, чуть искаженное своим собственным прошлым. Об этом искажении, о моем собственном представлении событий той или иной эпохи, я и пытаюсь написать. Иногда удачно, иногда, не слишком, но всякий раз стараясь найти не только различия, но и неумолимые сходства между днем сегодняшним и временем прошедшим, за десять, сто лет до него. И сообразно этому подобрать нужный тон повествования. Будет оно лишено черт историчности, лишь сохранит ее канву, или строго учтет все известные нюансы того времени.

Все начинается с Первой мировой – наша литература старательно обходила ее стороной, вписывая в Гражданскую, будто это одна война, растянувшаяся почти на десятилетие. Отчасти так и было, ведь для России война с центральноевропейскими державами плавно переросла в бойню внутри самой страны, а все те страны, что воевали за или против нашей державы, посылали помощь одной из официально признанных сторон конфликта, – «красным» или «белым».

И не считая возможным поминать «зеленых», анархистов, националистов и иных народных ополчений, с которыми не менее активно воевали первостепенные стороны гражданской, в том числе. Добровольцев в те времена было так же много у каждого из противников и сражались они каждый за свои принципы, будь то сторонники белого движения или интернационала. Видно, еще поэтому мне просто необходимо стало описать и этих сторонников и гражданскую. Правда, перенес я ее в дни испанской войны, в тридцатые.

Я давно задавался вопросом, что же может делать человек, когда все потеряно, даже, надежда. Как он способен воевать, что в его душе будит желание сопротивляться победителю, пусть еще не официально признанному, но очевидному. Ведь не страх за собственную жизнь, которая для него тоже потеряна. Что-то иное, иного порядка думы движут им в такие часы и дни.

Я постарался ответить себе на этот вопрос. А затем и на другой – на который до меня пытались ответить сотрудники британской разведки, отправляя диверсантов в тыл Рейха с целью уничтожения Гитлера. Может ли нация воевать без своего вождя, или убийство его породит лишь новую, куда более мощную волну сопротивления? Операция «Фоксли» должна была дать ответ на этот вопрос. Но ее остановили в последний момент, когда агенты уже оказались на немецкой земле. И я попытался воспроизвести ее и сам для себя разрешить давний спор.

И наконец, последний вопрос. Возможно ли повторение чумы прошлого сегодня? В той же Европе, издавна, задолго до прихода что дуче, что фюрера, что каудильо к власти, считавшей себя братской семьей народов, неспособных пойти войной друг на друга. В сущности, на этом основывался сам миропорядок еще с середины девятнадцатого века, установившейся после изматывающей Тридцатилетней войны. Казалось, больше войн Европа не потерпит. Где-нибудь на периферии, да, но в самом центре, среди самых развитых и уважающих друг друга государств?

Тот же вопрос воскрес совсем недавно – когда Каталония проводила очередной плебисцит о независимости. А королевская Испания готовилась к нему, как к последнему бою. До настоящего времени каталонский вопрос не решен, он, как и прежде, год, век назад, подвис в воздухе, ожидая своего разрешения. Но каковым оно будет? Сумеют ли высокие договаривающиеся стороны сойтись и решить дело миром? Или все кончится так, как кончалось всегда в таких случаях, последний раз для Европы – в Боснии, в середине девяностых, совсем недавно. И кто скажет, что подобное невозможно сейчас? Пожалуй, только самый отъявленный оптимист. Мир, даже нынешний, слишком хрупок и ненадежен, чтоб на него можно было положиться как на нечто фундаментальное, краеугольное – несмотря на Всеобщую декларацию и все прочие хартии и законы, установленные давным-давно, но вспоминаемые лишь в случае большой беды. О которой если и думали, то надеялись, что она пройдет стороной.

Сборник начинается и заканчивается на минорной ноте. Увы, светлые моменты разбросаны только в самих его текстах. Ведь не бывает же света без тени и ночи без звезд. По счастью, не бывает.

С уважением,
Кирилл Берендеев

Говядинка

Неизвестный автор: «Американские солдаты 23 пехотного полка ведут огонь по немецким позициям в Арденнском лесу, 23 сентября 1918г.»

Начались переговоры о мире. Высокие договаривающиеся стороны заперлись в гостинице маленького прифронтового городка, окружив себя двойным кольцом стражей. Первым совместным распоряжением, оглашенным через десять часов переговоров, стало прекращение огня по всей линии соприкосновения. В окопы весть пришла с небольшим запозданием, уже утром, полковой телеграфист долго перечитывал короткое послание, а потом бросился в штаб, тяжело стуча сапогами по прогнившим доскам, под которыми снова хлюпала вода.

Небо, после долгих свинцовых дней, высветлилось, словно парадная форма новобранца. Солнце пригревало, позабыв про стылую ноябрьскую погоду, про дожди, перешедшие в снежную крупу и только вчерашним вечером прекратившуюся. Полковник, на чьих плечах лежала ответственность за удержание или прорыв этого участка фронта – в зависимости от ситуации и планов генштаба, – распорядился отправить больных и легко раненых в тыл, по ближайшим лазаретам, остальным выдать двойную порцию водки и шоколада. Но никто не ушел с передовой, крики восторга заглушали приказы. Радости оказалось так много, что ей необходимо стало поделиться решительно со всеми. Пять лет войны, пять долгих лет. Многие из солдат помнили как она начиналась. Всего в семи километрах отсюда, там, за рекой, до которой так хотелось дойти. Еще вчера.

Кто-то первым поднялся по лестнице на бруствер, отомкнул защелку на колючей проволоке, раздвинул ее. А затем, услышав восторженные голоса по другую сторону ничейной земли, поднял на штыке фуражку и помахал ей. В ответ ему посигналили тем же, и солдат,

поднявшись в полный рост, шагнул, безоружный, в сторону чужих окопов. За ним последовали другие, там, тут, вскоре вышедших оказались десятки, сотни – они устремились навстречу друг другу, пока еще не спеша. Приглядываясь и не зная, что сказать. Пока кто-то первым не пожал противнику руку, бывшему противнику, не поздравил того с миром.

Пять лет войны, долгой, беспощадной, ожесточенной. За это время линия фронта сдвигалась всего несколько раз, последний два года назад, во время мощного наступления – именно тогда фронт, выровнявшись, остановился, как полагали в генштабах, ненадолго, до нового наступления. Но силы оказались равны, и на всякую атаку следовала контратака не менее решительная. Каждое действие рождало точно такое же противодействие, и будто исполняя третий закон Ньютона, фронт не желал сдвигаться ни в одну из сторон. За эти два года на окопы, перекрытые щели, блиндажи, доты противников просыпались сотни тысяч тонн снарядов и мин, артподготовки длились сперва часами, потом днями, а позже неделями. Но это лишь расширяло нейтральную полосу. Где невозможно становилось выкапывать трехметровые траншеи, там отходили чуть дальше и создавали новые укрепления, за которыми следовала вторая, третья, четвертая и еще невесть сколько линий обороны, прорвать которые уже не могла никакая атака, сколь бы мощной она ни была. Возможно поэтому заговорили о мире. Сперва тихо, потом все решительней и настойчивей.

И после вчерашней канонады пушки замолчали. Солдаты сошлись друг с другом, поздравляли, хлопали по плечами, улыбались. Кто-то начал петь песню, незамысловатую, родом из детства, ее подхватили, каждый на свой лад, коверкая и перевирая слова, простуженными голосами, запрокидывая головы в хрустальное небо и восторженно крича уже просто так, от того что на небе яркое солнце и можно не бояться не прятаться от пуль и снарядов, жить, не думая ни о прошлом ни о будущем, именно сейчас жить, братаясь с противником, ломая с ним хлеб, раздаривая шоколад и выпивая из одной чарки водку. Жить, наслаждаясь жизнью, как никогда прежде. Холодный воздух кружил голову, пьянил крепче браги, и многие просто усаживались на края бесчисленных воронок и спрашивали и отвечали, едва понимая новых своих товарищей. Кто-то переводил, не слишком умело и складно. Кто-то просто обнимал нового друга, напившись самим этим дружеством.

И был вечер, но никто не хотел уходить. Пушки молчали, воздух наполнился удивительной тишиной, которую слушали, разглядывая высоко поднявшееся небо, вызвездившее знакомыми и забытыми скоплениями. Кто-то начал несмело гадать по ним на будущее, его сперва зашикали, а потом стали прислушиваться, часто не понимая, говорит он всерьез или в шутку, или напился благодати до такой степени, что не различает ни где ни с кем находится. Делится самым сокровенным, ибо и его, как кажется, тоже можно поделить со всеми, всем миром. Так давно позабытым миром.

Оглушительные свистки прервали тишь. Командиры получили новую радиограмму и теперь отзывали солдат обратно в окопы. Переговоры провалились, стороны обвиняли друг друга и спешно покидали городок, готовясь отомстить за потраченное вхолостую время.

Солдаты неохотно поднимались, извиняясь, расходились, спускались в гнилые, пропахшие смертью траншеи. Ночью началась канонада. Первые часы били не по позициям противника, – по нейтральной полосе. Слишком много оказалось тех, кто не пожелал вернуться. И только ранним утром, после окончания артподготовки, солдаты обоих сторон поднялись на бруствер, пригнувшись и хрипло крича что-то невнятно привычное, въевшееся в подсознание, под пулеметными очередями, перебежками снова бросились на убой.

Отряд Нандо Бругейры

Михаил Кольцов: «Осада Алькасара, Толедо, 11 сент. 1936г.»

Война закончилась, хотя бои еще продолжались. И город еще держался, пусть и большинство защитников либо бежало, либо встречало захватчиков. Наступило безвластие: президент и кабинет министров уехали во Францию. Снабжение прекратилось, союзники признали новое правительство, забыв о республиканском. Поддержка кончилась, и последние интербригады сейчас спешно уходили на север, через перевалы, покидая истекшую кровью страну. Неохотно но и с видимым облегчением. Подчиняясь приказу Коминтерна и постановлению Лиги Наций. На границе бросая оружие в беспрерывно растущую гору, еженощно ее убирали, превращая винтовки в щепу, давя пулеметы и автоматы, разбивая пистолеты, а к вечеру она нарастала снова. Людские потоки перемешивались, и уже непонятно было, где беженцы, а где воевавшие добровольцы – одинаково поникшие, уставшие, они оставляли республику, чтоб никогда не вернуться.

В ней, в Леванте, растянувшимся узкой полоской вдоль западного побережья, еще оставались защитники. Много. Но продолжали бои только те, кто сдав Таррагону, а еще раньше, проиграв битву на Эбро, оставив Бильбао, Теруэль… начав потери три года назад в Севилье и Сарагосе, сошлись теперь мелкими безнадежными группками в мятежной Барселоне, уже признавшей власть фаланги, но еще продолжавшей сопротивление. Разрозненные отряды республиканцев сражались с многократно превосходящими силами противника, не ожидая ни пощады, ни снисхождения. Зная, когда падет Барселона, путь на Валенсию, бывшую временную столицу республики, а затем и на Мадрид станет свободным. Уже никто и ничто не сможет, да и не будет останавливать хунту. Бросок до самого крупного города станет прогулкой – когда фалангисты устремятся на юг, им откроют ворота всех оставшихся крепостей. Их корпуса готовились к сдаче, ждали только одних, последних сражавшихся. Надеясь, одновременно и на то, что те продержаться еще чуть подольше, и на то, что их неизбежное падение облегчит участь остальных сдающихся. Не будет публичных казней, авианалетов и артобстрелов. Ничего не будет.

Республика пала. Просто не все хотели в это верить.

Отряд Фернандо Бругейры за последние три дня потерял пятнадцать человек и больше не мог удерживать позиции на площади Испании. Отходить решили в район северного порта, катакомбами. Там продолжала сражаться бригада Альваро Контадора, день назад, когда прошел последний сеанс связи, сам командир согласился принять отряд под свое крыло, уверив Бругейру, что его люди готовы держать порт, сколько потребуется, несмотря на беспрерывные

налеты с Мальорки итальянской авиации. После недолгих споров о способе и смысле отхода, потеряв еще двоих, отряд заминировал подходы и спустился в полуразрушенные подземные залы, коридорами разбегавшиеся в разные стороны. Большая часть катакомб значительно пострадала от налетов, но Нандо упорно вел людей вперед, прекрасно зная ходы и выходы. Ведь он родился здесь, в «Квартале раздора», некогда знаменитым своими строениями в стиле модерн. Сейчас едва ли можно найти хоть одно целое здание на всем участке между улицами Консель де Сент и Араго.

Бойцов разбитого отряда оставалось лишь шестеро, включая самого Бругейру. Забрав все самое ценное – медикаменты, пулемет, патроны и винтовки – они медленно брели, перебираясь через груды камней, негромко переговариваясь между собой. Не обращая внимания на то, слышат ли их и кто слышит – свои или чужие: голоса гулко расходились под сводами, терялись эхом в бесконечных коридорах. Возвращались, неузнаваемые, из тупиков и завалов.

Их осталось шестеро, хотя сегодня утром было восемь. Француз Алекс, Алексис Моресмо, узнав об окончательном решении отряда, молча покрутил пальцем у виска и предпочел отправиться в одиночку через перевал на родину. Он присоединился к отряду в начале ноября, после расформирования интербригад, после начала закулисных переговоров о мире, к которому премьера Негрина откровенно подталкивала Франция, после нового выступления каталонцев в Барселоне. Но теперь и Алекс последовал за товарищами, торопливо, будто пытаясь их нагнать. Еще один, сражавшийся под командованием Бругейры уже два года, Хавьер Морено, отходя последним, минируя галерею дома, в подвале которого отряд начал спуск в катакомбы, нарвался на пулю снайпера. Кажется, снайпера. Выстрела они не слышали, увидели только как Хави медленно осаживается на кирпичную плитку у стены, раненый в шею. Он пытался что-то сказать, тщетно. Из руки вывалился детонатор, его спешно перехватил командир. Он и взорвал проход и полдома, что успел заминировать Морено. После того, как пыль с потолка перестала оседать, отряд медленно стал продвигаться к батальону Контадора.

В отряде Бругейры перебывало много бойцов, из разных уголков Испании. Сейчас оставались четверо: каталонец, галисиец, баск и марокканец – странный, непостижимый набор, несмешивающийся коктейль – и на редкость взрывоопасный. Сам Нандо хоть и родился в Барселоне, но происходил из валенсийцев, да и большую часть жизни, пятнадцать лет, провел именно там, перебиваясь с одной работы на другую, пока, шесть лет назад, не пошел добровольцем в республиканскую армию. Тогда еще царил мир, еще на начались мятежи, быстро переросшие в бойню, прокатившуюся по всей стране и теперь только, спустя почти три года, начавшую угасать. Он стал хорошим бойцом, дослужился до звания капитана и уже больше года командовал собственным формированием, в былые времена насчитывавшим сто пять человек. Как в былые, совсем недавно, месяц назад, во время битвы за Таррагону. Они с ротным комиссаром Серхио Арройо сумели вывести из окружения больше половины личного состава, прорвались к окрестностям Барселоны, где должны были получить подкрепление и вернуться в бой – уже на окраинах города.

Вот только приказ оказался иным. Месяц они провели в непрерывном сражении, отчаянно сдерживая попытки генерала Аррондо войти в Таррагону, отрезанные от внешнего мира. Единственное, что получали, так это новые обещания командования прислать свежие силы, а еще извечные требования держаться до конца, какие-то невнятные постановления и… потом рация на той стороне замолчала, пришлось ее бросить и пробиваться к своим. Враз ставшим чужими. Не переметнувшимся к врагу, но готовым отдать ему все, ради собственного спасения. Или ради прекращения бойни. Признавшие поражение, готовые выкинуть белый флаг, появись только повод.

Арройо не стал ждать подобного, когда узнал новости. Железный комиссар не выдержал, пустил пулю в лоб. А Бругейра развернулся, вышел из комнатки, где на полу в луже крови лежал его друг, и молча велел бойцам возвращаться и держать город, сколько возможно. С ним

в окопы отправились лишь тридцать пять человек. Из них возвращались четверо: сержант Луис Лион Исагирре, которого в отряде звали просто Лулу, капрал Даниэль Чавес, однофамилец Энрико Чавеса, полковника, до самой смерти в Арагоне возглавлявшего их батальон. За это Даниэль получил прозвище «Чавито». И двое прибились во время битвы: из таких же подразделений, уничтоженных огнем фалангистов. Отряд пополнился сержантом Микелем Ландой из пятнадцатой интербригады, по прозвищу «Пистолеро» – он отличался умением стрелять с двух рук достаточно ловко, что в условиях городских столкновений давало ему определенное преимущество. И старшиной Арндтом Айгнером из одиннадцатой интербригады, по его словам, воевавшим уже два года, с января тридцать седьмого под командованием известного тельмановца, полковника Штефана Ляйе, бежавшего из Германии в начале тридцатых в Швейцарию и прибывшего в Испанию по первому зову Второй республики. Нандо, да и остальные, все время повторяли, эту оговорку про Айгнера, поскольку немец попал к ним вовсе без документов и при странных обстоятельствах. Да, обычно особисты из НКВД отбирали паспорта добровольцев, используя их в своих секретных операциях неведомо где и как, но правительство республики тут же выдавало новые. У немца же не оказалось даже военного билета. Арндт вышел на позиции отряда Бругейры так, словно совершал прогулку по тенистым улочкам Барселоны и только сейчас столкнулся с войной. Хотя, надо отдать Айгнеру должное, карабином он владел безупречно. Стрелял метко, легко выпуская до пятнадцати пуль за минуту. Сам старшина объяснял это бурной молодостью – ему довелось сражаться еще в конце двадцатых с нацистами в Баварии и Руре, с той поры сноровка нисколько не увяла. Правда, у Бругейры сложилось прямо противоположное мнение – он прекрасно видел схожесть подготовки бойцов вермахта, в последние несколько месяцев едва не тренировавшихся на отстреле республиканцев, и работу в бою самого Айгнера. И хотя Арндт с явным безразличием к форме стрелял в фалангистов Испании и солдат Германии, никого не выделяя, как это порой случалось с интернационалистами из Италии, когда тем, во время наступления на Теруэль, пришлось столкнуться с моральным выбором – стрелять в своих, хоть и классовых врагов, – все одно, червячок подозрения капитана не отпускал. А они подозрения эти, довольно заразны. Неудивительно, что Айгнер, все время пребывания в отряде оставался сам по себе. Вроде и свой, и чужой. Он и прибыл в Испанию не через коминтерновцев Марти или Тольятти, а записался добровольцем в Лондоне. Будучи коммунистом, всячески открещивался от общения с комиссарами – как местными, так и советскими, никак не объясняя своего поведения. И владел испанским, будто родным, что уж никак не походило на прочих интернационалистов. Впрочем, он ведь сражался в одиннадцатой бригаде, а там иностранцы большая редкость. Бругейре этот факт добавлял настороженности.

Сомнения, одни сомнения. Сейчас Айгнеру доверили пулемет и ленты патронов, он согнулся под тяжестью свинца и железа, но упорно тащил «максим» за собой, перебираясь через завалы, не прося помощи, стиснув зубы. Остальные, нагруженные винтовками и карабинами, шли впереди, вяло переговариваясь, и почти не оглядываясь на отстающего на несколько шагов немца.

Первыми двигались сам командир и старшина Рафаэль Тарда-и-Роура, просто Рафа: на войне товарищи обходятся без церемоний. Он старательно поглядывал на карту тоннелей, пытаясь определить, куда им двигаться, но не слишком успешно читая переплетения тоннелей. Коренной каталонец, наездами бывавший в Барселоне, не мог похвастаться хоть какими знаниями о подземных галереях, однако, слишком часто не соглашался и спорил с Бругейрой. Но имел на это право, он появился в отряде вместе с Нандо, и хоть и до сей поры оставался в вечном недовольстве капитаном, но непочтение выражал в крайних случаях и по делу. Человек вспыльчивый, упрямый, если не упертый, удивительно, как он остался в отряде после подавления барселонского мятежа в позапрошлом году. Тогда комиссары Андре

Марти и сотрудники НКВД прошерстили всех, кто мог даже думать не так, как полагалось. А вот его неведомо как обошли стороной.

Удивительно, что он до сих пор на их стороне, в то время как почти вся Барселона окрасилась в черно-красные цвета фаланги и бело-красные карлистов. Полосатых знамен Каталонии, кажется, не встречалось вовсе. Но многие ждали от каудильо, что именно он, в противовес президенту, объявит область автономией. Попытка в самом начале существования республики получить автономию успехом не увенчалась. Несмотря на подавляющую поддержку населения во время голосования, республиканское правительство ее попросту заиграло. Последнюю попытку высказаться задушили, вместе с троцкистами, в тридцать седьмом. История посмеялась над республикой: ведь именно Барселона стала последним ее оплотом. И она же так охотно сдавала этот оплот, стараясь обойтись минимумом жертв и извлечь из своего положения максимум возможного перед вступавшей армией Франко.

– Что проку в этой карте, если половина подземелий разрушена, —ответил Бругейра на невысказанный вопрос Тарды. – Я-то спускался, смотрел, где и что. Все равно придется идти кружным путем.

– Если только авиация не пробила хранилище кавы, – тут же ответил Рафа. – Через него можно пробраться. А что до дверей – просто вышибем, ну и взрывчатки у нас навалом.

– И выдадим себя.

– Кажется, мы своим ором и так пригласили подходить всех фалангистов. Чего еще взрыва бояться? Он, как раз, никого не удивит. А вот твои возмущения поставят на уши. Переходил бы на каталанский.

Тарда знал, что, кроме него, этим языком не владеет никто более, включая родившегося здесь Нандо. Этим и задирал командира, особенно, когда их осталось всего ничего. Но задирал уже без азарта, больше, по привычке.

Бругейра остановился. Подумал. Мысль зрелая, ничего не скажешь, вместо того, чтоб бродить по подземельям часа полтора, через винный погреб они срежут заметный угол и спустя тридцать минут, если снова не упрутся в завалы, прибудут в расположение войск Контадора – сколько бы их не оставалось у доблестного командира.

Тем временем, их нагнал Айгнер. Спросил, что привело к заминке, разговор он слышал, но решил напомнить о себе. Ему отвечали, не слишком охотно, потом Ланда вспомнил про пулемет.

– Еще тянешь? А то может помочь? – Айгнер покачал головой. Но чуть заметно улыбнулся. Стараниями баска холодок вокруг него начал понемногу истаивать. Хоть и началось это только в последние дни, когда бои потеряли смысл. Но пусть уже так.

Странно, но они довольно быстро сошлись, часто, во время коротких передышек в боях, вместе сиживали за последними сухарями и хлебали пустую воду с каким-то душным сушняком в качестве приправы из одного котелка: у Арндта свой пробило шальной пулей. Сидели, молчали, но от этого становилось теплее на душе. На них посматривали другие: да, так бывает, что людям проще молчать в обществе друг друга, чем говорить беспрестанно, как это часто делал Чавито, делясь переживаниями со всеми остальными, чаще с командиром. Каждый выбирал себе пару. Так проще, так надежней, так всегда знаешь, кто прикроет тебя, в случае чего. Ведь подобных случаев хватает с избытком. Арндт и Микель, оба повоевали изрядно. Просто сошлись только сейчас.

– Какой путь выберем, Нандо? – не выдержал Чавес, подходя. – Я думал, мы все решили во время минирования.

– Все, да не все, – пробормотал капитан. Путь покороче ему вроде и нравился, вот только шума он не хотел. – Хорошо бы вышибить двери своими силами получилось, а не как ты прям жаждешь. Да и обвалиться все это может…

– Не может, винный погреб простоял триста лет и еще столько же будет стоять, – упрямо тряхнул головой Рафа. – Что гадать, пойдем да посмотрим. А решать можно и на месте.

– Много времени потеряем.

– Да ты так всегда говоришь, – вдруг резко ответил он. – Как будто командование транслируешь. Время теряем, надо решительно, надо безотлагательно. И это хоть раз дало результат? – он махнул рукой. – Хоть бы чего добились. Отбросили и удержали. А то за эти три года только и делали, что отступали. Только Мадрид не сдали, но видно, с перепугу. А вот теперь доотступались. Тупик.

Бойцы молча смотрели на него. Переводили взгляд на Нандо. И снова на каталонца.

– Странно, что именно ты это говоришь, – вдруг влез Чавито. – От другого я бы понял, но ты…

– А что я, первый день здесь? – тут же вскипел Рафа. – Надоело молчать. Мы до последнего отступаем, когда все уже либо сдались, бежали, либо готовятся к приходу каудильо, вышивая флаги. А мы почему-то еще отступаем. Сражаемся до последнего. Сейчас вот доберемся до порта, и там уже, как я понимаю, нас ждет окончательное поражение.

– Можно подумать…

– А ты предлагаешь иной исход? Что прилетит советская авиация и наваляет фалангистам, как до того нас отутюжила итальянская? – в ответ Чавито молчал. – Вот именно. Странно только, что сегодня так тихо. День ясный, солнечный, самый раз бомбить.

– Было бы кого, – глухо произнес Микель.

– Да, Пистолеро, ты прав. Было бы кого. Нас и так постреляют, а через пару дней – обещанный парад. И знаете что, парни, я уже давно задаюсь простым и ясным вопросом – а ради чего все это? Сражения, отступления, новые схватки, потери, лишения, голод, наконец. Ради чего? Ведь почему-то никто из нас не ушел, когда еще можно было, все тут. В самом деле, не последней же поддержки СССР дожидаемся. Идем к Контадору, с которым связывались сутки назад, и даже не знаем…

– Рафа, прекрати сейчас же! – оборвал его Нандо. – Идем и идем. Давай сперва испробуем твой путь, а потом, если действительно не прорвемся через винный погреб…

– Напьемся кавы, – усмехнулся Рафа. – Надеюсь, в тех погребах хорошие игристые вина, выдержанные. А то у вас, в республике, продавали очень оригинальное шампанское – ждали три месяца и по бутылкам. Кислятина.

– Рафа, что с тобой? – спокойно спросил Микель. Каталонец обернулся на Ланду. Пожал плечами.

– Не знаю. Как-то странно немного. Идем, натурально, умирать. Я привык уже, но все равно, знать, где именно да и когда именно тебя прибьют, как-то… мне от этого не по себе.

– Типун тебе, – не выдержал Чавито. – Мы же сражаться идем. Почему ты решил, что как только доберемся, нас всех…

– Я этого не говорил. Ладно, идемте, а то стоим, теряем время. Может, Контадор нас заждался.

Они двинулись в путь, обходя завалы, петляя в черноте коридоров. Лампа, которой Нандо светил путь, едва теплилась, он с трудом различал стены в нескольких метрах от себя и щербатый пол. Остальные как мотыльки, брели за его светом, ориентируясь лишь на него, да на обострившееся во тьме зрение, выхватывавшее изредка щели в разбитых бомбежкой потолках подземелья.

– А я не умирать иду к Контадору, – не выдержал Чавито. – а сражаться. Пусть недолго, но мне надо биться до последнего, я из крестьянской семьи, меня так воспитали, и родители и потом партячейка. Еще при диктатуре.

– Как будто ты ее помнишь, диктатуру, – хмыкнул каталонец. Маленькому Чавесу, маленькому и в плане роста, чуть выше ста пятидесяти, прошлым декабрем исполнилось девят-

надцать. Свою короткую жизнь от посвятил сражению с несправедливостью, как понимал ее, как объясняли старшие товарищи. Больше он полагался именно на последних, ибо сам, пусть и обладая той самой крестьянской сметкой, успел за недолгую жизнь нахвататься знаний лишь по верхам: основ политэкономии и рабочего движения, а больше цитат из Маркса, Ленина, лозунгов, песен и речевок. Песен, конечно, тоже революционных. Они помогали, когда в голову лезли непрошенные мысли, особенно, после очередного поражения и долгого отступления из одного города в другой. Который затем так же приходилось оставлять. Так он ухватился сперва за Арройо, которому Чавито передали натурально под опеку, а затем, за командира. Слушал каждое слово, ловил мысли на лету и всегда становился на правильную сторону. Иначе, какой же он революционер. А именно им Даниэль, памятуя о прозвище, данном в честь прославленного борца с диктатурой, старался предстать перед товарищами. И едва не до слез расстраивался, когда его не воспринимали всерьез.

– Я что-то помню, неважно. Я воспитан на борьбе, наверное, я и пришел в этот мир, чтоб умереть за правое дело. И еще за тех, кто умер за меня, – чуть помолчав добавил другим тоном, глухо. – Родители очень надеялись, что я вырасту хорошим человеком. Поступлю учиться, обрету специальность, может даже, специалиста-агрария, заведу семью, детей, собственный дом, стану настоящим тружеником и накоплю на доброе житье. Знаю, это не революционно, но им хотелось, а потом и мне, когда…

Говорить про свою первую и единственную любовь, которая его не знала и видела лишь раз в день, во время его визитов в штаб, Чавито не стал. Не поймут. Иначе, может, опять скажут, что несет католическую бредятину, как это делали на партсобраниях. Это он давно усвоил. А потому все самое сокровенное старался держать при себе. Делясь разве что с Нандо, которому доверял безоговорочно. И иногда с Лулу, если тот мог его понять. Исагирре лишь на три года старше его, студент-недоучка, бросивший все и ставший на защиту республики в самые тяжелые для той дни. Студент. Чавито ему завидовал даже сейчас, когда все мечты о прошлом остались по ту сторону реки Эбро. Той переправой для него лично, закончились мечтания о лучшем будущем и началось отступление в никуда. Странно, но за эти месяцы Даниэль даже стал жаждать продолжения беспрестанного отхода. Не потому, что боялся умереть, этого не было, потому, что здесь, в городах, его встречали товарищи, которые, хоть и не всегда понимали, но были теми людьми, с которыми он охотно делился последним.

Жаль, что другие, большее число его друзей, остались на той стороне бурной реки. Туда, куда вход ему еще заказан.

Он не верил ни в рай, ни в ад, но иногда, вера родителей его, убежденных католиков, все же прорывалась на свет такими вот странными аллюзиями.

Ему не ответили. И то хорошо. Отряд медленно двинулся дальше, сгибаясь под тяжестью патронов, гранат и взрывчатки.

– Я потому и живу, – продолжил Чавито сызнова, – что не могу вот так все бросить и уйти. Я еще должен и хочу расплатиться.

Нандо хотел что-то сказать, но снова промолчал. Они свернули налево, еще раз налево, и теперь спускались вглубь тоннелей. Свет становился все слабее, тени все черней, а мрак подступал к самому горлу. Чавито невольно поежился и теперь шагал след в след за командиром. За ним, так же приблизившись неспешно двигались остальные, изредка оглядываясь на Айгнера, тащившего пулемет. Надо было брать ручной, мало что, но к «максиму» у них оставалось немало патронов, а для ДП-27 один диск. Дегтяревым пришлось пожертвовать – без особого сожаления, слишком тяжел, слишком неудобное питание, слишком быстро перегревался. Оставили и винтовки, наверняка у Контадора их и так пропасть. Главное, гранаты и патроны. Ими отряд запасся под завязку.

Чавито, исполняя подвиг Гавроша, о котором кое-что слышал от товарищей, по ночам, после перестрелок, бегал по ничейной полосе, выискивая винтовки и опустошая карманы мерт-

вецов-фалангистов. Наутро им снова было, чем стрелять во врага. Однажды ему составил компанию Моресмо, но не слишком удачно, тому попортили руку. Верно, поэтому этим утром Алекс решил, что с него хватит. А может потому, что он и вправду почувствовал себя чужим. Или вспомнил о семье, с которой расстался год назад, уезжая на войну. Или еще что – француз не любил рассказывать о себе. Он, как и многие интернационалисты, поддавшись внутреннему зову, бросился, очертя голову, в Испанию, а через несколько месяцев уже не находил себе места. Жесточайшее разочарование постигло его. И дело не в отступлениях, не в поисках внутренних врагов, когда внешний враг переставал наступать, не в заочных спорах между Троцким и Сталиным, отнюдь. Видимо, во всем вместе. Он, как и всякий прибывший, рассчитывал на что-то иное, на героику, на романтизм, на солидарность, сплоченность, величие характеров и эпичность сражений. Ничего не было, люди сражались, умирали, сдавались и бежали из-под огня, как и везде в мире. И как и везде, пытались выжить, любой ценой. Он ушел, наверное, тоже пытаясь выжить. Кто мог его осудить за это?

– Тут завал, – негромко произнес Нандо. – Спускаемся дальше.

И пошел направо, увидев в стороне небольшое, едва видное в свете тусклой лампочки от слабеющих аккумуляторов, углубление в стене, ведущее угловатыми каменными плитами, плохо подогнанными века назад друг к другу или с той давней поры успевшими расползтись землетрясениями или вековой ходьбой людей по этому спуску. Им предстояло преодолеть метра четыре вниз, затем выйти на ровную площадку, а после снова вжаться в коридоры.

– Черт, пулемет еле проходит, – подал голос Айгнер. Ланда остановился.

– Давай, помогу.

– Ничего, вытащу. Повороты тут узкие, а тележка большая, – но баск, отложив ящик, взялся за ручку. Совместными усилиями они подняли тяжеленный «максим» и дотянули его до небольшой залы, откуда разбегались три пути, один наполовину покрытый обрушившимися сводами, остальные сравнительно свободные. Из того, рухнувшего, сочился свет и капала вода. День сегодня хоть и выдался ясный, но прошедшие дожди со снегом еще протекали внутрь тоннелей.

Зима пришла холодной, злой. Снег, прежде лишь выпадавший и если и лежавший, то от силу пару дней, теперь не сходил неделями, особенно, на вершине Монжуика, где и начинались бои за Барселону. Кряж врезался в город, спускаясь отрогами к самому морю, оттуда весь январь дули промозглые ветры, приносившие холод и сперва снег, а теперь, на исходе января, еще и дожди, вперемешку с порошей, заливавшие город, застывающий после жарких боев. Ночью его сковывали морозы, а днем наступала оттепель, снова лили дожди и все повторялось. Под непрерывный грохот канонады и пулеметной трескотни.

В последние несколько дней им удалось отбить у итальянских добровольцев вот этот «максим», столь желанную добычу, да еще разжиться ящиком гранат – тогда, в последний раз, они сумели продвинуться вперед, захватить еще трофеев. Пока подоспевшие фалангисты не поставили минометы – быстро пристрелявшись, они вынудили отряд вернуться на исходную, потеряв почти семерых за полчаса боя. А затем потеснили еще дальше. Отряд, прежде занимавший гору Монжуик, постепенно спускался к морю, отступая медленно, но верно, шаг за шагом оставляя все больше территории неприятелю. Теперь последний спуск с окраин Старого города к северной части порта, через пляжную Барселонету. Если подземелья там разрушены, им придется выбираться наружу и проходить район поверху, а ведь его несколько недель утюжили итальянцы, рассчитывая высадить десант. Но отчего-то не вышло, может, собрать группу не смогли – фашисты, они те еще вояки, – а может трения с Франко помешали. Всем известно, дуче собирался присвоить Испанию себе, только на этом основании влез в войну и отправлял войска и помощь каудильо. А может, Италия решила выйти из игры, ограничившись островами. В любом случае, если эта часть города и была обитаемой, то лишь беженцами, не сумевшими выбраться и по сю пору из Барселоны.

Оба выдохнули, поглядели друг на друга – снова без слов. Пистолеро вернулся к ящику с взрывчаткой, крякнув, забросил на плечи, Айгнер попер и дальше пулемет за собой.

– Куда теперь? – спросил Нандо у каталонца. Тот снова повернул карту, но пожал плечами.

– Да все едино. И там, и там могут быть завалы после бомбежек. Рискнем двинуться прямым спуском.

– Пулемет может не пройти, – произнес Арндт, подходя. – Я и так только с помощью Микеля его протащил.

– Тогда длинной. Интересно, – вдруг словно про себя, произнес каталонец, – а как там канатная дорога? Она ведь начиналась из-под земли и потом неожиданно вырываясь на свет, вела к горе… как ее…

– Монжуик, – холодно отчеканил Нандо. И прибавил: – Так что выбираешь?

– Длинную. Если Барселонета так сильно разгромлена, как говорят, придется высунуть нос наружу.

– Если все равно, проще короткой. И перебежками, – заметил Лулу, доселе упорно молчавший.

– С пулеметом? – спросил у него баск. Тот хмыкнул.

Некоторое время они еще спорили, потом спохватились. Решили двинуться длинной, мало что. Но и долгая дорога оказалась усыпана обвалившейся кладкой, Микелю приходилось то и дело помогать товарищу. В итоге, он на время отдал ящик Лулу, и вместе с немцем тащил пулемет на руках. Исагирре едва волок взрывчатку – ведь, на нем еще висели мешки с патронами. Наконец, молодой человек выдохся окончательно и запротестовал.

Как раз в этот момент коридор снова разветвился. Рафа без разговоров повел всех в более узкий, но не заваленный тоннель. Нандо последовал за ним. А затем неожиданно поинтересовался:

– Ты часто бывал в Барселоне? – но тот покачал головой в ответ.

– Редко и давно. Ребенком, да, выбирались весной или осенью, когда у моря не так жарко. Мы же в горах, на самом севере провинции жили. Я мечтал стать летчиком, – вдруг добавил он. – И знаешь почему? На горе… как ее, ну где Христос на соборе стоит, как памятник Ленину.

– Тибидабо.

– Именно. Какое-то детское название.

– Евангельское, – встрял студент, отягощенный не только и не столько патронами. – Из евангелия от Матфея: «tibi omnia dabo», то есть, «тебе все даю»…

– Понял. Все названия тут библейские, хоть ты что. Молимся мертвецу, что одному, что другому. И памятники однообразные ставим, – скривился каталонец. Но тут же продолжил: – На ней, кроме храма, еще аттракционы построили. Качели-карусели, это ладно, но там есть самолет с видом. Садишься на площадке и потом он прокручивается над пропастью. Все визжат, кричат, даже взрослые. Помню, как же я ликовал, когда самолет отрывался от земли и уходил в полет. Почти настоящий. Я тогда и сказал родителям: вот увидите, буду летчиком. Мне шесть лет тогда исполнилось, кажется.

Он помолчал. Хмыкнул, остановившись у новой развилки.

– Эта на карте не обозначена.

– Не туда смотришь, – ткнул пальцем Нандо. – Мы уже вот тут, а не здесь. Сам же повернул, – Рафа кивнул, капитан, помолчав, спросил:

– А почему не случилось пойти на летные курсы?

– Брат сломался на работе. Руку станком зажало, мне пришлось вместо него идти, одиннадцать тогда было. Ну вот и закончилось счастливое детство, – он снова неприятно хмыкнул.

– А в армию как попал? – это уже Чавито, заинтересовавшейся историей с кружащимся самолетом. Каталонец пожал плечами.

– Да тоже так, примерно. Увлекся. Вот только уже не выпустили, как дали винтовку, так и не расстаюсь до сих пор, – он попытался усмехнуться снова, но губы свела предательская судорога.

– И хорошо, что тебя комиссар не загреб, – заметил Ланда. – Серхио ведь со списком приходил, помнишь, Нандо, ты еще с ним уединился потом, вы долго что-то обсуждали. А когда…

– Помню, – резко оборвал Микеля капитан. – Было дело. Скверное, но нужное. Проехали.

– Трех человек взяли спецы. И никто не вернулся.

– Да, и мне от этого не легче, – он посмотрел на Ланду, тот взгляда не отводил. – Что, думаешь, я просто так с Арройо говорил о списке? Он сам убеждал меня, сам приводил доводы, я только, – Нандо снова замолчал. И вдруг произнес: – Там было больше «шпионов». Я одного отстоял. Под честное слово.

– Кого? – тут же спросил Ланда. Но командир молчал, не желая длить эту беседу. – Так кого же, Нандо?

– Я не могу сказать. Уже неважно.

– Мне важно, может, это я был.

– Ты же не троцкист. С чего вдруг?

– А кто тут хотя бы теоретически троцкист, кроме везунчика Рафы?… Это он был?

– Нет, и я же сказал, что не отвечу.

– Черт, Нандо, ты сейчас рассоришь всех. Кто был вычеркнут?

– Чавито.

– Кто? – не поверил ушам Ланда. Кроха Даниэль, это было заметно даже в темноте, покрылся багровыми пятнами. – Он-то как туда попал?

– Этот вопрос я и пытался выяснить у Серхио. Но он говорил только то, что ему сказали в штабе, когда распределяли списки. Шпион, троцкист и… и да, на усмотрение комиссара. Он тогда поручился за Чавито, что он свой, что нет на нем пятна, что, если надо, искупит кровью.

– Бред. Сущий бред, – пробормотал Пистолеро. Помолчал и прибавил:

– Значит, Фабио Кательдо, Адольфо Пантано и Жоан Солер. Первого я помню хорошо, он к нам в бригаду по рекомендации самого Пальмиро Тольятти попал, а тот своих отбирал, как никто. Славный парень, хоть и горяч, как все неаполитанцы. Остальные, даже не знаю, с чего их-то. Особенно Фабио.

– Во всяком человеке есть червоточина, – заметил Чавито, немного успокаиваясь после того, как узнал горькую подробность о себе, вырванную из уст командира. – Она, до поры, до времени, незаметна, а случись что, вдруг проступает. И туда забирается гниль. Вот Фабио с нами сколько сражался, больше года, как ни один из интернационалистов.

– Кроме меня, – заметил Арндт.

– Да, прости, кроме тебя, Айгнер. Вот может в нем эта червоточинка и появилась? Я не знаю наверное, но может. Ведь там, сверху, им виднее, что за человек, как он мыслит и что делает.

– Что ты несешь, Чавито? – взорвался Пистолеро. – Сам подумай.

– Думаю, Микель. Вот и говорю. Меня же тоже посчитали. Но я свой долг отработал, честно, поблагодарили даже. Кровью смыл.

– Мы все кровью его смывали, – немного смутившись, отвечал баск. Хотел что-то прибавить, но ни сил, ни желания спорить с Даниэлем не осталось, он молча закинул ящик на плечи и спросил, куда двигаемся дальше. Споров не возникло, отправились у указанный Рафой коридор. Долго шли. Пока неуспокоившийся Чавито снова не вспомнил про историю взросления каталонца. Попросил рассказать уже его о больной теме, о временах мятежа.

– Ни слова больше про мясника Марти. Что, не слышал, как его называют? Мясником, да, – зло продолжал Рафа. – А как иначе? Скольких людей он отправил под нож ни за что.

– Но должна же быть черво…

– Да брось, Чавито, не было и не будет, брали неугодных лично ему или кому-то из его присных. Комиссаров, то есть. Настучали и получили. А как иначе-то эти списки составлялись? По наветам.

– Но…

– Как проскрипции и составлялись, Рафа прав, – заметил Лулу, приостанавливаясь и пропуская вперед командира. – Брали неугодных, а нам байки сочиняли. Про шпионов, вредителей и все такое. Да откуда у нас столько шпионов? Умом надо понимать, что бред. А велись и охотно. У Советов большой опыт в этом деле, вон, как долго они они весь Союз шерстили, еще с начала тридцатых. Мы тогда только республику объявили, а они начали присматриваться, правильно ли мы ее строим, кто за кем стоит и какие мысли в голове имеет. Да и по приезду в начале гражданской еще и друг на друга стучали, для повышения отчетности. Помните, Серхио как-то обмолвился, что у него мало троцкистов выявлено, и его советские товарищи из-за этого…

– Хватит! – одернул Лулу командир. – Растрепались. Нам дело надо делать, а не выяснять, что и как было. Последнее дело, к нему собраться надо, подготовиться.

– Ты прав, Нандо, – согласился Исагирре. – Тогда раз Чавито заговорил о последнем долге, дожмем тему. Рафа, ты что скажешь?

– Почему я?

– А почему нет? Ты начал, сам вспомнил самолет, намекнул что с винтовкой в могилу так и ляжешь, ну, и я все ждал продолжения.

– Ах, ну да, простите. Я не такой испанец, как некоторые.

Исагирре не стал спорить.

– Ты каталонец. Ваши всегда на подозрении были, да и потом, восстание в позапрошлом году и сейчас еще…

– Я понял, понял. Но я-то здесь, с вами, а не там, с фалангой. Чего тебе еще надо?

– Вот это и хотел узнать. Честно, Рафа, давно хотел выяснить, почему ты и с нами и до конца? Что тебя дернуло не сдаться, не бежать во Францию ту же. Ведь Каталония с давних пор разделена, почему не уйти, вас через границу пропускают свободно. Без содержания в фильтрационном лагере.

– Да некуда идти, – зло брякнул Тарда. – И не к кому. Один. Было б, может ушел, а так… – и снова тягостное молчание.

– Извини, – наконец, произнес Лулу.

– Ничего. Не думал, что ты скажешь, но ладно, прощаю. Все одно с вами лучше пулю принять… – он не договорил. Замолчал на какое-то время, позволившее им в тишине двинуться по очередному спуску. Где-то невдалеке шумела вода, но их тоннель, уходивший вниз под углом градусов в пятнадцать, оказался, по счастью, сух. И продолжил, когда все вышли в небольшую, метров двадцать, залу с пробитым потолком. Свет сочился из образовавшегося от авиаудара оконца в самом центре помещения, аккуратного кругляша, похожего на окулюс в римском Пантеоне. Исагирре видел его на картинке в учебнике, но сразу признал схожесть. А затем услышал недовольный голос каталонца.

– Ну а ты, студент, что ты можешь рассказать о причинах своего присутствия на нашем марше смерти? – губы Рафы чуть-чуть дернулись, должно быть, пытаясь изобразить улыбку, но голос оставался сух и холоден. Кажется, ему самому был неприятен тон, которым он задал вопрос.

Лулу помолчал немного. Откашлялся. Сырой воздух подземелья не давал раздышаться, особенно, под таким весом, который тащил студент. Да и легкие у него с детства слабые, поэтому родители его перевезли на море.

– Все просто. Я поступил учиться в мадридский университет. Рассчитывал стать юристом, нам бы это сильно помогло. Денег у нас тогда хватало, это потом вдруг куда-то кончились.

– Как и у нас, в свое время, – вдруг перебил его каталонец. – Мне десять было, когда брат пошел работать. И двенадцать, когда он стал инвалидом…

Помолчали.

– Я продолжу, – произнес негромко Исагирре. Его товарищ кивнул, хотя студент заговорил, не увидев движения головы. – Учились мало, больше бастовали и требовали. То мы, то наши преподаватели. Они требовали большей оплаты, мы меньшей. А потом начался мятеж в колониях. И… мне деваться оказалось некуда. Я весь в борьбе, а мои…

– Подожди, так ты из колоний? – удивленно спросил Рафа.

– Надо чаще со мной разговаривать, много интересного бы узнал, – хмыкнув, заметил Лулу. И его попытка посмеяться не удалась. – Я родился в Тетуане. С началом Рифской войны, город оказался на границе государства берберов, и мы переехали в Сеуту, на море. У меня легкие слабые, а считается, хотя и не доказано, что морская соль способствует их очищению и укреплению. Там и прожил, пока не поехал поступать в Мадрид. Оттуда узнал о мятеже. И о том, что мои, все мои, немедля присягнули на верность фаланге. Родители меня долго уговаривали, писали письма, я тоже, мы что-то доказывали друг другу, – он вздохнул. – Так ничего и не доказали. Когда началась гражданская, я пошел защищать республику. Не сразу, меня не хотели принимать поначалу, но ведь у нас ни армии, ни техники, ничего тогда не оказалось, все хапнула хунта. Если б не помощь союзников, не знаю, наверное, сразу бы сдались.

– А так хоть помучились три года, – колко произнес каталонец. И тут же извинился.

– Помучились, – согласился студент. – Наверное, не зря.

Мятеж в колониях республика проворонила. Вернее, даже не поняла, насколько он серьезен, ведь что-то подобное происходило и раньше: восстания недовольных правительством социалистов проходили в стране с потрясающей регулярностью, но всякий раз их довольно успешно гасили если не словами, так угрозами и тем, что президент называл войсками. Еще бы, с времен Рифской войны с берберами, в середине двадцатых, испанцы воевали допотопным оружием, архаическими же методами. Неудивительно, что Франция, влезшая в этот междусобойчик, вскорости разогнала берберов, в очередной раз спасая положение своего неумелого соседа. Неудивительно так же, что офицеры, сражавшиеся в той войне, получив привилегии и звания, стали особой кастой – сперва за заслуги, потом как способ обуздать начавшееся полевение Испании. Правительство социалистов не могло или не захотело спорить с ними, и в результате получило фактическое двоевластие в стране. Даже армия оказалась поделена между теми, кто поддерживал президента и теми, кто ему противостоял. Вот и мятежи стали регулярностью, а экономика покатилась по наклонной. В июле тридцать шестого грянул настоящий гром.

Сперва восстало Марокко, не первый уже раз. Но вместе с ним восстания начались и в самой метрополии: мятежники взяли Севилью, Кадис, а затем развернулись на северо-западе, захватив Овьедо и Сарагосу, а после – Кордову, Толедо, Гранаду…. Военные поднялись и в столице, но их сумели подавить отряды милиции и сторонники правящего Народного фронта, так активно поддержанного молодыми людьми, пусть еще и не всегда имевшими право голоса.

Конечно, Луис Лион оказался среди них, отстаивая позиции республики, вдруг враз пошатнувшиеся почти по всей стране, и радуясь победе над хунтой, пусть и не окончательной, но ведь столица не пала, основные города остались под контролем, а значит, еще пара-тройка дней, максимум, недель, и страна будет очищена от поджигателей, мятежников, фалангистов и сторонников итальянского и португальского фашизма. В июльские дни, сразу после разгрома мятежа, в это верилось с особым вдохновением. Это придавало сил. Тогда Исагирре первый раз попробовал записаться в армию, ему отказали, хотя он и проявил недюжинную настойчивость. Но ведь казалось, хунта это только на время. Несмотря даже на то, что у Второй республ-

лики остался под контролем один флот, плюс плохо организованная и оснащенная милиция и редкие сухопутные части, враз лишившиеся единого командования.

Следующий раз шанс для Лулу выдался в конце тридцать шестого. Хунта объединилась, создав свое правительство во главе с Франко. Странное все же стремление у всех диктаторов – именоваться как-то особо. Фюрер в Германии, дуче в Италии, и вот теперь в Испании каудильо. Будто не находилось прежних должностей, будто обязательно надо показать свою особость, безусловную значимость, для которой не существует постов, через которую весь народ, от детей до стариков, будет боготворить, именно боготворить, человека, поименовавшего себя особым образом.

Вот и Франко. Он оказался неплохим стратегом, к октябрю того года каудильо и его сподвижники захватили, с большим или меньшим упорством сопротивлявшийся запад и северо-запад страны. После такого успеха он возглавил хунту и, получив новые подкрепления от Португалии, Италии и Германии, поддержавших борцов с коммунизмом, двинулся в поход на столицу. Когда до Мадрида оставалось всего ничего, Исагирре вступил в армию, в состав шестнадцатой интербригады. Только так он смог попасть на фронт, осуществить свою мечту – отомстить за все поражения столь восторженно принятого им левого правительства и доказать всем явную силу своих физических недостатков. При этом пришлось учиться и другому, а именно стрелять в людей, а не по мишеням и убивать клинком, сходясь в штыковой. Метать гранаты, причиняя максимальный урон. Стрелять из пулемета по наступавшим шеренгой. Стрелять и убивать. У него оказались отличные учителя, прошедшие школу гражданской на родине, в Союзе, впитавшие в себя все ее премудрости столь хорошо, что порой новобранцам становилось жутко, когда наступала ночь, и память учителей о войне оживала. Но одна только битва за Мадрид заставила и Лулу выучиться всем премудростям выживания в бою столь хорошо, что он умудрился дожить до самой Барселоны.

А тогда столица выстояла. Несмотря на регулярные налеты эскадрилий «Кондор», на постоянные обстрелы, на бои на окраинах города, когда против танков бросались подростки, вроде того же Лулу, или только прибывшие интернационалисты, еще не успевшие ни распределиться, ни получить достаточно боеприпасов. Фашисты оказались отброшены, оттеснены, частью бежали, в воздухе снова повеяло светлой будущностью. Казалось, через несколько, пусть не недель, месяцев, но республика сумеет вернуть завоеванные провинции и, наконец, дать окончательный и бесповоротный отпор всем, кто лезет помогать фаланге, снабжая ее всем необходимым и особенно добровольцами, военными специалистами и службистами, следящими за порядком на оккупированных землях. Раздающих расстрельные списки и отправляющих возможных оппортунистов в концлагеря.

Хотя, после террора, развязанного сторонниками Народного фронта группами по всей Испании, трудно было ожидать иного…

– Наверное, – согласился Рафа. – Но то, что осталось от страны, еще долго будет приходить в себя. А жаль. Я этого не хотел: ни автономии, ни вражды, ни террора. Другое дело, когда он сам пришел за мной.

– Кто он? – не понял Лулу.

– Человек со списком, – коротко ответил каталонец.

– Так ты, тоже оказался…, – вместо ответа Рафа кивнул. Исагирре побледнев, коснулся его плеча. – Хорошо, что тебе удалось выбраться невредимым.

– Живым, – поправил его Тарда. – Кто из нас не повредился? Вот именно, все, – он вздохнул. И продолжил, разом переменив тему: – Нандо, до винного погреба осталось чуть, километр всего. А там и северный порт неподалеку. Хорошо бы канатная дорога оказалась цела. Там есть, где укрыться.

Капитан кивнул. Взяв карту, долго рассматривал ее, приблизив лампу чуть не вплотную, будто пытаясь предугадать, какие из параллельных линий, обозначавших тоннели, окажутся

заваленными, чтоб не ходить взад-вперед. Тут, вблизи Барселонеты, ходов за долгие годы существования города накопано безмерно, но те, что у самого побережья, в руинах, хотя и залегали на приличной глубине. Должно быть, еще и затоплены.

– Двигаемся влево, – решил командир, устремляясь в новый коридор. Следом за ним отправился тенью Чавито, затем Рафа, после Пистолеро и Лулу, чуть подотставший, чтоб глянуть, как там Айгнер. Арндт еле тащил пулемет, то и дело останавливаясь. А через пару десятков метров снова застрял, помогать ему пришлось уже Лулу.

Когда они вытащили «максим» в новый широкий коридор, разветвлявшийся натрое, уткнулись в остальных бойцов отряда. Нандо и Рафа снова заспорили, как лучше проходить к погребу: обойти его огромные помещения не представлялось возможным, разве что поверху, или в долгий обход, который изначально и предлагал капитан. Проход, ведущий к винокурне напрямик, оказался завален, Нандо боялся, что обрушение и соседних ходов слишком велико, кладка сыпалась от каждого прикосновения. А вот Рафа не боялся рискнуть и предлагал себя в качестве проводника-одиночки. Остальные возражали.

– Что, боитесь, я вас здесь оставлю и сбегу? – усмехнулся недобро он.

– Не дури, Рафаэль, я боюсь, тебя завалит, – тут же возразил Нандо. С какой-то излишней поспешностью, не укрывшейся от каталонца.

– Да уж, повезет.

– Прекрати! – что-то посыпалось и воцарилось молчание. Недолгое. Его неожиданно прервал Рафа.

– Командир, – сказал он вкрадчиво. – Теперь твоя очередь исповедаться товарищам.

– Ты о чем?

– Брось. Я рассказал, Чавито и Лулу тоже. Теперь ты.

– Почему я все еще сражаюсь? Странный вопрос. Я ведь командую отрядом, не могу же я его, вас, бросить и уйти.

– И это все?

Бругейра смутился, поняв, что и сам не может ответить на вопрос. И еще осознал, что до сей поры ни разу не спрашивал себя ни о чем подобном. Он побледнел, отвел лампу и взглянул на Рафу.

– Это все, – коротко ответил капитан. – Больше ничего не будет.

Каталонец долго глядел на командира, но так ничего и не сказал. Медленно пошел вперед. Бругейра облегченно выдохнул, следуя за ним. Не хотелось говорить про самоубийство Серхио, после которого он вдруг почувствовал себя совсем иным человеком. Не тяжесть легла на плечи, но будто камень с них упал. Нандо не понимал себя, почему смерть товарища столь странно на него подействовала. Столько времени вместе, через столько прошли, одну шинель делили, из одного котелка хлебали. И вдруг. Комиссар ушел так, ровно отрезало. Будто они поссорились его смертью. Точно самоубийством Серхио проявил слабость, обнаружил в себе ту червоточину, о которой все время говорил Чавито.

Может, так и было. Может, напротив. И червоточина образовалась у него. Он покачал головой. Потом остановился и произнес.

– Знаешь, Рафа, можешь звать меня католиком, но я не могу как Серхио, пустить себе пулю в лоб, узнав, что все кончилось. Пусть другие, но не я. Лучше пойду до конца, лучше… да, Чавито прав, я не хочу уходить, не закончив дела. Нам надо добраться до Контадора, а тогда – хоть расстрел, хоть что.

Тарда обернулся. Молча разглядывал командира, потом вдруг спросил:

– Мне кажется или ты еще что-то хотел сказать?

Нандо усмехнулся.

– Когда не надо, ты слишком внимателен. Я вдруг вспомнил, вот как ты про самолет. Тоже глупость, но мне долгое время, еще до гражданской, наверное, лет с пятнадцати, очень хотелось

в Москве побывать. Говорят, красивый город, много старинных зданий, конечно, не таких, как у нас, античности в России не было, но по-своему удивительных. И много современных зданий, построенных советскими и европейскими архитекторами. Тот же модерн, что у нас в Квартале раздора. Кубизм, авангард, неоклассицизм, я в этом не разбираюсь… и мне еще метро показывали, – без передышки продолжил он. – Оно в Москве сказочное, не как у нас – и колея разная и строили абы как. А там будто создали во времена Возрождения. Залы как дворцы, сплошь мрамор и гранит, витражи и лепнина. Не насмотришься. И парков очень много, не как тут – один и тот на самой горе. Я тогда уже переехал в Валенсию, – вдруг сменив размеренный голос на едва слышный произнес он. – и очень хотел переехать снова.

– А теперь что? – это уже Пистолеро задал вопрос. Бругейра покачал головой.

– Не хочется. Я еще с маршалом Ворошиловым хотел встретиться, ну это уже в начале войны, до того, как узнал, что у них происходит, что они тут устраивают. Вернее, как понял, что они тут начали творить, как отрезало. Вообще ничего не хотелось. Жил, будто придавленный чем-то. И да, я начал бояться. Прежде никогда не боялся, а тут на тебе, страх напал. Не в бою погибнуть, но вернуться и получить известие, что ты враг, шпион, предатель. После Барселоны меня он никак не отпускал. Не хотел перед своими умереть. И только когда Серхио пулю в лоб себе загнал, я вдруг понял, что бояться мне нечего.

Произнес и замолчал. И все молчали.

Рафа вдруг начал оглядываться по сторонам, выискивая кого-то. Подошел к Лулу, что-то тихо спросил у него, тот кивнул. Каталонец наконец, обернулся:

– Все, командир, больше я тебя тревожить не буду. Пистолеро, твоя очередь исповедаться.

– Это так обязательно? Хотя да, я вижу, раз все начали, то… – он замолчал на миг, и произнес. – Да и сказать-то толком нечего. Вы и так все знаете. И как я пришел, и зачем. И на что это похоже, Лулу не даст соврать. Он же студент всезнающий, – новая попытка улыбнуться, на сей раз у баска. Тоже неудачная. Исагирре молчал.

– Ну, хорошо, – продолжил Ланда. – Меня послали в столицу, в Валенсию, вместе с отрядом из сотни человек, в качестве дани, что ли, республике. И с просьбой поторопиться. Фаланга уже стучалась в ворота, отщипывала от Эускади по кусочку, по региону. А в апреле тридцать седьмого Франко обрушился на нас всей мощью.

Тогда казалось, баски выстоят, несмотря ни на морскую блокаду, ни на свирепость фалангистов, стиравших города и поселки один за другим. Герника тому свидетель и вечный памятник, а сколько других, больше и меньше, было на пути к Бильбао? Авиация «Кондора» утюжила горы и долины, буквально растирая Басконию в пыль, но жители продолжали держаться. Надеяться на республику, на ее генералов, все никак не начинавших наступление на Северном фронте, и на себя, на то, что их стойкость уменьшит решимость и вермахта, и фаланги и хотя бы ненадолго остановит их. Тогда у них окажется время дождаться прибытия союзных войск. Странно, но факт: у Басконии и центрального правительства Испании, как и у соседней Кантабрии и Астурии сохранялись весьма странные отношения. Единственная, получившая автономию, Страна басков все время гражданской старалась держаться обособленно, прекрасно понимая, что может стать жертвой вторжения войск каудильо, а потому и попыток вмешаться и помочь республике почти не делала. Удачно избежав мятежей и восстаний военных сама, Эускади буквально отделилась от республики. Во главе Страны басков стояли националисты, лишь изредка и по крайней необходимости сговаривавшиеся с центральным правительством. И только когда Франко перенес тяжесть своего молота на автономию, поспешили с просьбами о незамедлительной помощи. Больше того, выделили сотню бойцов, не плохих, не хороших, но тех, у кого имелись семьи, отправиться в Валенсию и влиться в ряды республиканской армии. Как напоминание о необходимости скорейшего продвижения к Эускади, как хоть какая-то помощь. И как залог дружбы. Как заложники.

– Вот и вся недолга, – подвел черту Ланда. – Когда армия все же выступила, хунта тотчас ее остановила, и я не знаю, что тому причиной, не то предательство, свойственное младшему офицерскому составу, либо, не хочется думать, но вертится на языке, либо простое нежелание помогать националистам, не разделяющим взгляды правительства и…

– Микель, ты заговариваешься, – встрял Чавито. – Ты забыл, что во время наступления на Басконию, начался мятеж троцкистов в Барселоне? Какая тут помощь, войска метались из угла в угол, чтоб успеть и там и там. Слава Негрину, он восстановил порядок.

– Да к черту премьера, он только в июне собрался нам помогать. И что в итоге, фалангисты его ждали, а бои уже шли на окраинах Бильбао. Какая уж тут помощь.

– Но ведь враги у нас оказались в тылу, как ты этого понять не можешь! Что нам делать, идти вперед, или развернувшись, сперва разобраться с восстанием? И на то, и на другое одновременно не хватало сил. Приходилось выбирать. Да и потом ваше правительство, оно тоже много чего себе позволяло. А поддержки, если уж напрямую, от него никакой.

Неожиданно вместо того, чтоб ругаться с Чавесом, Микель замолчал. Посмотрел по сторонам, на притихших товарищей и вдруг все же высказался.

– Потому и проиграли. Врагов искали за спиной, вокруг. Все носились с одной идеей, а кто не носился, оказывался шпионом и предателем. Нандо, ведь ты смотрел списки, ну что, много там было шпионов?

– Достаточно, – отрезал Чавито. – Можешь мне поверить. Я… я тоже видел эти списки, и те люди, которые… словом, они да, с червоточиной все.

– Все мы с червоточиной, – произнес глухо Бругейра. – Хватит, Даниэль, не хватало нам перед последним броском разругаться к чертям. Делить больше нечего.

– А кто прошлое помянет, тому глаз вон, – усмехнулся Пистолеро.

– Кто забудет, тому оба. Не забывайте про окончание поговорки, – влез всезнающий студент.

– Ты ее полностью только один знаешь, – согласился Рафа. – Мы как-то первой частью обходимся.

– И напрасно, – возразил Микель. – Вы забыли, что я так и остался в качестве заложника в интербригадах. И воевал как заложник. Да и не я один. Люди приезжали воевать за свободу, за республику, со всего мира приезжали, а оказывались между выбором, устроенным Марти или НКВД: либо ты с нами, либо против нас. Либо ты стреляешь в фалангистов и слушаешься, либо тебя расстреляют за предательство, потому что ты не туда поехал, не то сказал, не того поддержал, наконец. Когда войска Негрина добрались до Астурии, они что, стали готовиться к обороне? Или может, решили вызволить Кантабрию? Нет, они начали зачистку городов от анархистов и прочих местных левых, которые им поперек горла оказались. Вроде же свои, социалисты, но все одно, враги. Все одно, все мяснику пошли на съедение. А помните исчезновение лидера марксистов Андреу Нина? Его партию разогнали, а самого взяли в качестве заложника люди Негрина. И что с ним стало, его судили, разоблачали? Нет, он просто исчез. Даже тела не нашли. Думаете, после такого кто-то захочет воевать за республику? Вообще, тогда уже надо было разгонять интербригады. Все одно их бойцы весь остаток тридцать седьмого занимались расстрелами неугодных.

– Ты говори, да не заговаривайся! – взбеленился Бругейра. – Я сам в интербригаде с начала войны, я что, хоть одного расстрелял? Или Серхио? Или вот Айгнера спроси, он кого убил?

В кои-то веки немец оказался в центре внимания. Арндт оглядел всех, помолчал. Затем спросил:

– Моя очередь? Или просто узнать про расстрелы хотите?

– Я свое слово сказал, мне идти некуда и незачем, – произнес Микель. – И Арндт это лучше других это знает.

– Ну да. Вы ж с ним только и общались.

– Мы не общались, – почему-то проговорил Айгер. – Мы молчали.

– В смысле? – не понял Чавито.

– Вот именно так. Нам приятней было не говорить, а наслаждаться обществом друг друга. Молча сидеть и размышлять. Каждый о своем, но в то же время, вместе.

– Айгнер, я думал, хоть ты нормальный, но…. Ладно, я ничего не понял, остальные боюсь, тоже, – произнес студент. – Слушаем тебя, все остальные высказались, – он оглядел товарищей и выразительно повернулся к Арндту. – Тем более, тебе есть чего сказать, ведь, мы ничего толком от тебя не услышали.

Немец кивнул.

– Прежде всего, отвечу: я не расстреливал. Кажется, это самое важное, что от меня хотели бы услышать. То есть, мне, как это говорилось, доверили ответственное задание, еще когда мы уходили из Таррагоны. Нужно было найти виноватых в очередном проигрыше, подстрекателей, паникеров, отщепенцев. Нашли, как всегда. Доверили мне, как самому опытному, проверенному товарищу. Но я отказался. Дезертировал, как многие, кому пришлось не по душе все, что происходило в республике, после подавления мятежа в Барселоне.

– А почему вернулся? – удивленно вскинув брови, спросил Нандо.

– Я дезертировал из батальона, а не из страны. Некоторое время да, решал, перебираться ли через границу, но…. Потом понял, что деваться мне некуда. Вернулся в Барселону, а потом, когда бои пришли в город, встретил вас. Вот так мы и встретились.

– Погоди, Арндт, может про то, как было, расскажешь подробнее? А то я перестаю успевать за тобой.

– Как скажешь, Нандо. В самом деле, я мало чего о себе рассказывал, вы, не особо спрашивая, некоторое время и вовсе считали меня чуть ли не предателем.

– Было дело, – кивнул Лулу. – Нандо больно строго к тебе отнесся, поначалу устроил форменный допрос, очень ему не понравилось, что ты непонятно, откуда взялся, да так хорошо на испанском говоришь.

– Я сам виноват, что не стал рассказывать всего. Но тогда вы бы мне точно не поверили. Или мне так казалось… не знаю. Исправлюсь. Я приехал в Испанию в тридцать третьем. До этого…

– Постой, после поджога берлинского рейхстага, я правильно вспоминаю? – спросил уже Пистолеро.

– Именно, друг. Сразу после. Я не говорил, но в Германии человеку с моими убеждениями стало трудно жить еще в конце двадцатых. После провалов наших переворотов в Баварии, в Руре… да много где, компартию посчитали заразой, которую надо выкорчевывать. А когда рейхсканцлером стал Гитлер, он решил проблему кардинальным образом. Поджог рейхстага, не знаю, кто его совершил, оказался ему очень кстати: сразу же начались аресты и расстрелы. Народу понравилось, как канцлер расправляется с коммунистической заразой, он потребовал еще. Я поспешил перебраться туда, где мне казалось, все сложится иначе.

И в Германии могло сложиться иначе. Друг другу противостояли две ультралевые партии: Тельмана и Гитлера. Обе не стеснялись в способах борьбы за власть, обе ненавидели друг друга достаточно сильно, чтоб использовать крайние меры. Айгнер, будучи еще школяром, не раз выходил на встречи с национал-социалистами, которые всегда заканчивались одним – побоищем. И неважно, где это было, в Берлине, Мюнхене, Дюссельдорфе или Кельне, суть противостояний не менялась. Методы тоже. Но только Тельман опирался на низшие слои общества, пролетариат, а вот его главный противник взывал ко всем. И получал поддержку как властей, так и плебса, в равной степени. Идея высшего предназначения одной нации оказалась куда популярней всемирной революции и равенства.

– Ты рассказывал, что укрывался в Швейцарии. Зачем? – продолжал спрашивать Пистолеро. В ответ Айгнер только плечами пожал.

– Каюсь. Сам не знаю, почему не решился сказать. Я переехал в Испанию, так получилось, что сразу по приезду познакомился с одной женщиной, которая увезла меня в Толедо. Там мы прожили вместе четыре года. Детей не случилось: я был еще молод, а она, наверное, слишком следила за собой; но в любом случае, мы прожили это время счастливыми. Потом все кончилось банально – скандалом и разводом. В стране уже начинались волнения, но до поры, до времени, мы не обращали на это внимания. Когда разразилась гражданская… и ее начало тоже пропустили. А вот ее связи на стороне, они мимо не прошли. – Арндт покивал коротко. Пожал плечами. – Как-то быстро завершилось наше счастье. Незадолго до разрыва, она предлагала уехать в Лондон, у нее отец работал в Британии, имел хорошие связи. Устроила бы меня на пристойную должность. Хотя я особо ничего не умел, только с ней получил и настоящую, а не по партийной части, работу и своего рода независимость. Она могла себе это позволить. Да, моя любовь происходила из богатой семьи. А я, коммунист, я, – новый смешок, – вовсе не обращал на это внимания.

– После развода ты сразу отправился в интербригаду? – спросил Ланда.

– Почти сразу. Не мог сидеть, сложа руки. Да и прошлое, оно ведь так и не отпустило. А тут нахлынуло с новой силой. Я не мог не поддаться. Ведь воевать приходилось с теми же. Разве можно было остаться в стороне?

– Ты кого-то узнал?

– Нет, конечно. Сюда из вермахта приезжала одна пацанва, пострелять, пообтереться, почувствовать войну. Недаром же потом Германия начала так активничать во внешней политике. Сперва аншлюс Австрии, потом Судеты, потом Чехия.

– А к нам как попал? – уже Чавито. – Случаем или нет? Ты ведь так толком и не объяснил, что это была за прогулка.

– Я Нандо узнал. Вернее, – Айгнер помолчал немного, будто нагнетая тишину, – не его, я с вашим батальоном почти не пересекался. Только при битве за Арагон. Там я познакомился с Солером.

– Ты знал его? – удивленно пробормотал Бругейра, резко подняв лампу на уровень глаз, будто проверяя реакцию Арндта. Немец выдержал пристальный взгляд командира – как он делал это десятки раз и прежде.

– Он к вам от нас пришел. Его батальон расформировали после сражения, кого-то отправили в первый, кого-то в ваш, в вашу бригаду. Очень большие потери.

– Это я помню, – нервно произнес Нандо. – Дальше про Жоана что? Ты хорошо его знал?

– Нет, шапочное знакомство, я же говорю. Так получилось, что наши позиции рядом оказались. Вот и переговаривались в окопах, в минуты затишья.

– Странно, что ты с кем-то переговаривался, – вдруг произнес Чавито. Нандо шикнул на него. Короткая пауза.

– Солер любил рассказывать о Барселоне. Когда я сюда попал, будто ходил по знакомому городу, больше того, у меня появилось что-то вроде ложной памяти.

– Дежа вю, – подсказал студент. Айгнер кивнул.

– Наверное. Я ходил по разгромленному, опустевшему городу и словно узнавал в нем тот, который покинул Жоан два года назад. Мне особенно запомнился рассказ о Цитадели. Солер был парнем простым, вот и рассказ вышел недолгим и назидательным. Он любил рассказы со смыслом.

Арндт замолчал, молчали и все остальные, столпившись вокруг лампы, которую Нандо, отведя глаза, так и не стал опускать. Точно он, этот светильник, оказался единственным источником тепла и света во всем городе, точно солнце ушло со своего пути, скрылось, а на землю опустилась вековечная тьма.

– Что он говорил о Цитадели? – не выдержал Чавито.

– Рассказывал почему и как она появилась. Но прежде, что Барселона, как и Рим, лежит на холмах: Кармель, Пучет, Ровира, Пейра… простите, дальше не помню.

– У нас их пять, еще Монтерольс. Но в качестве компенсации, две горы: Монжуик и Тибидабо.

– Да, Монжуик, ведь там Цитадель и расположена. Построена во время войн за Испанское наследство, а позднее, после восстания каталонцев, стала напоминанием жителям города о власти короны. Жоан рассказывал, что тогдашние инженеры разровняли несколько городских кварталов, чтоб укрепить крепость, и возвести дополнительные башни, орудия с которых могли, в случае необходимости, обстреливать весь город от порта до прилегающих к горе районов. Но я наверное, говорю известное.

– Не всем, – покачал головой Пистолеро. – Я не знал об этом, думал просто крепость. Тем более, пушки никто не убирал.

– А потому, что правительство Второй республики тоже не собиралось отдавать Каталонии хотя бы кроху свободы. На автономию она ж не пошла. Вот баскам можно, а нам – выкусите, – тут же встрял Рафа. – Пушки до сих пор на город смотрят, не знаю, можно ими пользоваться или нет, хотя наверное, можно. Только пользоваться будут другие, те, кто сейчас на Монжуике.

– Судя по отсутствию пальбы – неработающие, – сухо заметил Ланда, пропустив мимо ушей слова о баскской вольнице. – Что еще говорил Жоан?

– Про Цитадель? Вот как пример непорядочности республики и приводил. Да, сравнивал Страну басков и Каталонию, вспоминал историю и рассказывал о мятеже. Вскользь, но с вызовом.

– Я же говорил, червоточина, – всколыхнулся Чавито.

– После битвы он как пропал. Потом только я узнал, что Солер расстрелян. Причем, кем-то из своих. Я не знаю…

– Что значит, из своих? Понятно, что раз попал в список… – произнес Нандо, но Арндт его перебил, кажется, первый раз за все время.

– Нет, я не о том. Он никогда не был троцкистом, сторонником мятежа, больше того, понимая положение города, он не мог признать, что мятеж был обелен. Оправдывал лишь старания людей заявить о себе. Но ненасильственным путем. Странно, что так сильно презирая насилие, он все же счел возможным записаться в добровольцы.

– Я же говорю… – Чавес умолк сам.

– А убили его свои, – продолжил Айгнер. – Из отряда. Я не знаю, кто, слышал разговор. Может, кто-то из политработников.

– Они подобными не занимаются, – возразил Бругейра. – Обычно требуют от интернационалистов или молодых солдат, пройти крещение кровью, – он поморщился. – Вот это решение меня давило с момента восстания. Как же можно так расправляться. Да еще передоверяя.

– Значит, можно, – холодно произнес Рафа. – Иначе погиб бы кто-то другой. Вариантов немного. Либо ты, либо тебя.

– Не понял? – повернулся к нему Бругейра. Рафа куснул губу.

– А что тут непонятного. Либо я, либо Солер. Вернее…, – каталонец помолчал немного, но затем продолжал. – Я оказался потенциальным предателем. Есть такая вакансия у комиссаров. Нандо, ты должен знать.

– Я не знаю, – коротко отрезал капитан.

– Должен, – упрямо повторил Тарда. – Я через это прошел, не покидая окопов, прямо в штабе полка. Там был «святой Рохас», как мы все его звали, батальонный комиссар Хесус Рохас, и конечно, Серхио Арройо. Меня вызвали, долго трясли, и словами, и прикладом мордуя. Требуя признаться в работе на врагов республики. Ведь я же каталонец, то есть, потен-

циальный враг. И либо сам должен идти под трибунал, либо сдать кого-то. Хотя бы двух. Я не выдержал. Я не прошу прощения, за то, что сделал, я, – он сглотнул слюну, – я исповедуюсь. Нандо, мы все сейчас исповедуемся, все одно пропадать. Неважно как, мне хочется, чтоб не совсем уж позорно. Но тащить с собой всю эту гадость дальше я не могу. Пускай ты меня пристрелишь за… за все, это будет справедливо.

– Рафа, скажи точно, кого ты сдал? – покрывшись красными пятнами, спросил Чавито. Каталонец помолчал.

– Я же сказал, Солера. И у меня был еще один вариант, вы может помните его, приютского парня, на которого все крысились. Черт… да, Исидро Ниеве. Святой Рохас, кажется, сам его предложил. Вернее так, он спрашивал меня кого я еще знаю из троцкистов, анархистов и прочей гнили, которую надо счистить с наших бортов. Я никого не знал, собственно, и Солера я почти не знал, только то, что он каталонец, как я.

– Ниеве не каталонец, – буркнул Нандо.

– Он там жил. В любом случае, святому Рохасу это не понравилось, но больше меня он не избивал, отпустил. Я все ждал, когда меня расстреляют, месяца два или три, нет, больше, когда мы уже ушли из Арагона, когда… я все ждал и ждал. А потом узнал, что вышла смешная штука. Расстрельщика моего шлепнули раньше, чем он успел разрядить в меня свой наган.

– Кто это был? – тут же спросил Чавито.

– Да зачем тебе?

– Нет, ты скажи. Мне важно.

– Да не знаешь ты его. И потом, какое дело… ну, хорошо, Карлес Пужоль. Ну что, узнал? – Даниэль покачал головой. – Пацан какой-то, только прибыл из Таррагоны. Вот ему и устроили испытание кровью.

– Как мне, – едва слышно произнес Даниэль.

Молчание. Короткое, но в него умудрилось вместиться столько мыслей, ворохом прокатившихся в головах бредущих в катакомбах.

– Что ты сказал? – хрипло спросил Нандо.

– Мне, – повторил Чавес шепотом, теряя голос. – Мне приказали расстрелять гниль. Фабио Кательдо, Адольфо Пантано и Жоана Солера. И я расстрелял. Попросил только, чтоб со спины. Не мог смотреть, а повязку им на лицо не дали. Они гордые, они не хотели, желали посмотреть в глаза палачу. Мне пришлось в затылок. Я не мог в лицо, я хотел просить их отвернуться, но Серхио приказал, я зашел со спины и просил прощения у каждого, пока Серхио…

– Да что ты говоришь такое, Даниэль? Ты в своем уме? – едва слышно произнес Нандо. – Что за придурочные шутки?

– Это не шутки, товарищ Бругейра, – вдруг как-то отстраненно заговорил Чавес. – Это кровь за кровь. Я должен был пройти, во мне тоже увидели червоточину. Я, у меня дед священник, я не мог иначе поступить, кроме, как предать: либо прошлое, либо настоящее. Я выбрал того, кого уже нет. Я не мог иначе. Я… – он готов был заплакать, он и заплакал. Подошел к командиру, но тот вдруг отшатнулся от него. Чавито изумленно посмотрел тому в глаза.

– Прекрати, слышишь, – прохрипел Нандо. – Немедленно прекрати.

– Мне говорили, что ты приказал, ты и Серхио, иначе меня здесь не будет. Когда докопаются, кто я на самом деле, какая во мне червоточина, ты бросишь меня. Ты прикажешь прогнать, отдать фаланге.

– Чавито, я не мог, я никогда не говорил такого. И ты прекрати. Больше ни слова, понял?

– Но после этого, ты ведь вручил мне премию и благодарность за работу. Ведь за эту же работу, Нандо? Мне Серхио велел молчать, что за испытание кровью, я и не говорил, но ты ведь должен знать, ты же знал, ты же помнишь, что я…

– Чавито, хватит! – почти истерично вскрикнул Бругейра. – Хватит. Невозможно больше, – и после недолгой порции тишины произнес: – Что же ты такое натворил-то. Как же так…

– Я… но я только исполнял…

– Помолчи, – влез до этого молчавший баск. Обернулся к командиру: – И ты тоже. Вы сейчас все порушите.

– Я не знал, что Даниэль… ты-то хоть мне веришь? Серхио ни словом, он говорил про то, что каталонцы должны сдать своих, что Солер… что Тарда…. Я мог бы понять. А ничего не понял.

– Что дальше делать будешь, командир? – спросил Рафа, спокойно, будто ничего не произошло. Бругейра посмотрел на него, точно видел впервые в жизни.

– Уходи. – сквозь зубы процедил он.

– Что? – не поверил ушам каталонец.

– Ты не можешь, – встрял Ланда.

– Немедленно. Вон отсюда! Или я пристрелю тебя. Вон сколько у нас патронов, на всех раз по двести хватит. Ну, что стоишь, пошел!

– Как скажешь, товарищ. К Контадору мне заходить потом, на расстрел или как…

– Иди к своим, ублюдок, пусть тебя там шлепнут.

– Как скажешь, – так же механически повторил Тарда и медленно стал сваливать мешки с медикаментами у стены. Им повезло ограбить госпиталь по дороге к площади. Затем отошел на шаг, нерешительно обернувшись. Ему следовало пройти мимо своих товарищей обратно, по узкой тропке, но ни один не хотел уступать дорогу. – Может, вы посторонитесь? Мне ж теперь на Монжуик, наверное. И дайте пустой револьвер, может, меня сразу…

– Нандо, ты с ума сошел? – Исагирре бросился к нему, встряхнул несколько раз. – Немедленно перестань! И ты, Рафа, оба прекратите этот балаган. Вы что творите?

– Последний путь, – холодно ответил каталонец. – Пустите.

– Нет, не смей. Вы оба не смейте.

– Нандо, в самом деле. Подумай, что ты делаешь? Ты всех нас убить хочешь, – баск встал между двумя товарищами, враз ставшими врагами друг другу.

– Только тех, кого я знал. Думал, что знал. Я не могу доверять Рафаэлю больше.

– Это было почти полтора года назад. Полтора года, ты меня слышишь? И что, что-то случилось с той поры? Тебя предали, кто-то навел на отряд снайперов, артиллерию, минометчиков? Сдал нас в руки фаланги? Нандо, сам подумай.

Бругейра поник головой, устало облокотился на точащую водой стену тоннеля.

– Тут такая темень, – произнес он. – Надо было через метро идти. Хотя нет, оно нам не по пути. Я забыл. Голова кружится.

– Нандо! – вскрикнул Пистолеро, тряся его, словно грушу. Капитан не произносил ни слова больше, будто отключившись. Как-то разом он превратился в тряпку в руках баска, безжизненный комок одежды, который Ланда усердно мял в руках, пытаясь привести того в прежнее состояние.

– Нандо, в самом деле, прекрати, – добавил студент. – Дело когда было. И если бы не этот путь, никто бы ничего не сказал. Тебе бы так легче было?

Наверное, он кивнул. Наверное, покачал головой. Наконец, Бругейра знаками попросил не трясти его больше, оставить в покое.

– Если уж стреляться, так мне, – произнес Айгнер. – Я эту кашу заварил. Молчал бы, глядишь, обошлось.

– Что обошлось, Арндт? – почти беззвучно произнес Нандо, вновь обретая дар речи. – Что? Ты просто вскрыл гнойник, который…

– Я не знал, что так получится. Я думал, все уже мертвы. Ведь, от всего отряда осталось четыре человека. Даже теоретически невозможно, чтоб так сошлось. Как в дурном сне, – и другим голосом. – Я дотащу пулемет, а потом скажите Контадору…

– Да хватит вам всем! – вскрикнул Исагирре. – Сами себя губите. Все время так. Убиваете и убиваете. Ведь не сейчас началось, и не в тридцать шестом. Раньше. Когда немцы, итальянцы и Советы влезли, это все только усилилось, а мы и до того хороши были. Убивали, грабили, изгоняли.

– В Германии ровно тоже происходит, – бесцветно произнес Айгнер.

– Да неважно. Мы-то, мы-то почему должны за всеми повторять? Своего ума нет? Кажется, нет, раз стали такими как все. Почему мы вообще постоянно в хвост к другим становимся? Нам что скажут, мы за то и хватаемся. Коммунизм, так по-сталински, фашизм, так итальянский. Или уже немецкий? Кому там каудильо в ножки бросился, Гитлеру, вроде. Как он вообще появился на нашу голову? У нас же планы были, я помню, у нас нормальная страна была, без фаланги, без комиссаров, без Марти и НКВД. Начинали-то своим умом. А сколько народу положили, никого не щадили, ни чужих, ни своих; что мы, что фаланга. Первая республика, в семьдесят третьем, началась и кончилась мятежами, и вот, нынешняя ничему не научилась. Мало что на свои грабли наступили, так еще и помощи попросили. Что, от этой помощи жить лучше стало? Кому? Ну, кому?

Он выдохся, замолчал, оглядываясь на товарищей. Бругейра наконец, опустил лампу, а потом и вовсе поставил ее на камни. Она осветила неярким, теплым свечением расхристанные ботинки и сапоги, у кого это, а, у Айгнера, просящие каши, а потому перевязанные бечевой. К серым заляпанным плащам, побитым каскам он успел привыкнуть, а вот на обувь внимания не обращал, странно, конечно. Почему не стаскивали у мертвых, неужто, нужного номера не находилось? Или не смели даже у чужих. Хотя… какие они чужие, разве, что немцы да итальянцы, остальные, как ни крути, свои. После войны… непонятно, что будет после войны с ними всеми, как они смогут придти к общему знаменателю. Как уживутся в одной стране победители и побежденные – без насилия, если ничего не поменять, не обойтись. Значит, новый террор? Он вздохнул. Промелькнула шальная мысль: а если бы Мадрид свалился тогда, в самом начале, может, появилась бы возможность для слома фаланги, для внутренних распрей между карлистами и сторонниками диктатуры. Может, сейчас Франко уже отстранили, и в Испании худо-бедно, но установилось хоть какое-то подобие прежней жизни.

Нандо встряхнулся. Мысли, мысли, почему они не преследовали его раньше? Почему только сейчас навалились, и в таком превеликом множестве, что ни шагу без них ступить, ни головы повернуть? Он словно спал все эти годы гражданской. Чувствовал, но не ощущал, слушал, да не слышал. Как умудрялся? Самому непонятно. И оттого еще противней на душе. Будто не понимал, что происходит, как случается, будто не знал, что такое испытание кровью. Когда Чавито первый раз пришел с этими словами, он поспешил отмахнуться: да, есть такое, но не в его отряде, не с его людьми. Тем более, с Даниэлем, почти мальчуганом. Про Рафу лучше не думать вовсе. И за его признание больно и за свои слова.

Он повернулся к избитым, потрескавшимся ботинкам Тарды.

– Прости, Рафа. Наговорил всякой мерзости, как будто чужой для тебя стал. Для всех вас. Как будто ничего не знал.

– Да, верно дернулся, – устало произнес каталонец. – Вернее, по делу. Я и не того заслуживал. Не сейчас, тогда. Но и сейчас можно.

– Все с червоточиной, – резанул Нандо. – Не надо было говорить, сам такой. Все время молчал, слушал Серхио, будто он командир, а не я. А что он шептал про шпионов, наймитов, предателей… про списки, наконец. Я, вот странно, так верил ему, так был убежден, что в роте и вправду есть…

– Они были, Нандо, – произнес Чавито. – Были. Теперь все ушли. А кто идет на смерть, он лгать не может.

– Ты прав, – он поднял лампу. На сердце странным образом полегчало. Даниэль прав: остались только те, кто ни при каких обстоятельствах не отступит, не покинет отряд, пойдет до конца. Тем более, что там до него – минут десять пути. И несколько часов или дней жизни под предводительством нового командира. А затем их поход действительно подойдет к концу, и что там будет, полная темнота и растворение или какая-то иная жизнь, перерождение, ад или рай… неважно. Уже неважно. Все одно, они примут это вместе, в разное время, но все одно – вместе.

Хотелось сказать, выразить нежданно нахлынувшие мысли. Но не получалось. Он умел ободрять, говорить зажигательно, умел подбирать слова, когда приходилось вдохнуть в человека столь нужные тому силы, чтоб перебороть страх, боль, ужас, неверие. Но эти люди лишились и страха и неверия. И все слова капитана были им ни к чему, Нандо читал это на их лицах. И все же хотелось сказать что-то, важное, нужное.

Он вдруг понял, что не сможет сказать. Не подберет этих слов, не зажжет новым светом сердца. Ничего не сможет сделать. Слова вроде бы вложенные в душу, он вынимал из передовиц, из брошюр, из листовок. Собранные вместе, они помогали пережить и авианалеты, и артподготовку, и наступление, и бегство. Позор дезертирства товарищей, поиск внутренних и внешних врагов. Но не могли дать ему вымолвить и фразы о том, что происходило сейчас.

– Спасибо, – произнес наконец, он, только сейчас заметив, что плачет. Вытер непрошенные слезы рукавом, оцарапав заскорузлой грязью лицо. – Спасибо вам, други. Вы только и остались, нам и идти. Недолго осталось, что там, подвал винокурни через два поворота, – знал, что не то говорит, но и молчать не мог, – А там и Контадор и последняя битва. Надеюсь, последняя. Не хочется ни поторапливать судьбу, ни оттягивать. Надеюсь, придем вовремя. Жаль только, что все так вышло. Могло быть иначе, но вот не случилось.

– Ты о чем, Нандо? – спросил Лулу.

– О твоих словах, – вздохнув, отвечал командир. – Тоже подумалось, чего ж нам своим умом не жилось, почему надо было бороться с собой и искать для борьбы внешних союзников. А не внутренних. Три года сражаться и все потерять. Биться за идеалы, а самим оказаться полем битвы других стран, наверное, готовящихся к войне друг с другом. Мы могли бы обойтись без этих опытов над собой…

– Наверное, не могли, – произнес Пистолеро.

– Да и что толку сейчас говорить, – подхватил Айгнер. – До конца дошли. Оборачиваться поздно.

– Хотя бы путь посмотреть.

– А что теперь-то глядеть. Только вперед и осталось, – добавил Рафа. – Сам сказал, всего ничего впереди, на то и уповаем.

Он сознательно произнес чуждые обычной его речи церковные слова. Нандо кивнул.

– Ты прав. Идем.

Он подхватил мешок, двинулся вперед. Через пару минут отряд достиг дверей винного погреба. К их удивлению, ничего подрывать не пришлось. Из-за приоткрытой двери отчетливо доносился запах вина, густой, тяжелый. Видимо, немало бочек просто пролили на пол, унося самое ценное. Или вообще ничего не беря с собой, поспешно убегая из города, хватая только документы и жизненно необходимые вещи, в число которых кава никак не входила. Разве, пара бутылок, задобрить французского таможенника. Если он не слишком большой патриот, чтоб принять испанское шампанское в качестве прямого пропуска в свою страну, без фильтрационного лагеря.

Отряд осторожно втянулся внутрь. Помещение метров полтораста, захламлено донельзя. Разбитые бочки, бутылки, какие-то тряпки, ворох газет, бумага, – все валилось на полу, созда-

вая тот первозданный хаос, который и означает спешное бегство. Даже стеллажи с бутылками и те оказались откинуты к стенам. Будто армия прошлась. Бругейре подумалось – а может, так и было? Вошли солдаты, которых привлек запах игристого, может, даже забрали что-то, а чтоб не доставалось врагу, уничтожили последки. Он задумчиво кивнул, хоть какая-то месть фаланге за сдавшийся город. Пусть и смехотворная.

Лампа с трудом освещала обширное пространство погреба. С ближнего краю еще оставались закуты, видимо, предназначенные не то для особых вин, не то для особо напившихся слуг, сейчас уж не разберешь. Айгнеру даже виднее, он как раз заглянул в подобную нишу под лестницей. Может, ведет куда? В плане ничего подобного не значилось, но ведь хозяева дома сколько веков владели винокурней, могли и не согласовывать переделки с общим планом.

Он еще успел подумать, какая разница, что там, когда услышал разочарованный голос Рафы:

– Ну вот, кавы не нашлось. Жаль, нечем вас угостить.

– Не надейтесь, – ответил ему незнакомый голос. Фонари, точно лучи прожектора осветили пространство погреба, разом ослепив бойцов. Все смешались, застыло, замерло, свет будто гипнотизировал.

Только Ланда успел толкнуть Айгнера в сторону ниши у лестницы, оба входили, как всегда, последними, а потому не успели попасть под лучи.

– Только тихо. Доставь пулемет Контадору. Мы как-нибудь выберемся, – успел прошептать Пистолеро прежде, чем луч настиг его. Микель обернулся, но Арндта уже не было видно. Ниша точно скрылась в стене, спрятав бойца. В ослепительном свете, подвал казался совсем иным, куда меньшим, более захламленным.

– Стоять. К стене. И пожитки на пол, живо! – скомандовал тот же голос. Фонарик наконец, высветил говорившего: капрал фалангистов, на удивление пожилой, под пятьдесят, но все еще носивший форму младшего рядового состава, вышел на пару шагов вперед. Вынужденный лично шататься по тоннелям, он холодно оглядел республиканцев. Покачал головой, спрятав пистолет, помял руки, словно те замерзли на холоде.

– Это все? Энао, Корретха, гляньте, есть еще кто с этими, – фигуры быстро зашевелились. Рядовые, пацаны, недавно набранные в состав армии Франко, в еще чистой форме, метнулись к двери. Выбежали, прикрывая один другого и поспешили вернуться. Верно, не рассчитывали увидеть еще кого-то или не решились попасть под прицел возможной засады. Фонарики метались у двери, но ни один из них не попал в нишу, она будто сама отводила внимание солдат.

– Это все мои, – коротко ответил Нандо, когда рядовые вернулись. – Нас только пятеро.

– Представьтесь, капитан.

– Фернандо Бругейра, ротный второго батальона интернациональной бригады…

– Это лишнее. Бригады кончились, как и вы, впрочем. В последний бой идете на соединение с Контадором?

В ответ Нандо кивнул. Капрал поморщился.

– Опоздали. Мы его утром казнили, сразу после штурма. Смертный бой для вас не получился. И то хорошо.

– Вы правы, капрал, – Нандо подождал, может, он представится. Но нет, старый служака молчал. – Я так понимаю, умрем мы вместе.

– Вы правильно меня понимаете. Энао, забери у товарищей республиканцев их добро… Да, много ж вы тащили. Жаль, что не успели. Вам надо было еще вчера выходить, чтоб к нашей атаке подойти, – странно, но в голосе капрала и в самом деле, проскочила нотка сочувствия. Он еще раз оглядел плененных и остановил взгляд на Микеле. – А вот тебя я кажется знаю. Ты тот самый Пистолеро, что пятерых моих положил позавчера? Я прав?

Ланда кивнул, подтверждая.

– Все верно, господин капрал.

Недолго помолчали. Рядовой Энао перетащил последние сумки с патронами к товарищам. Капрал поглядел на них.

– Надо утопить все к чертям, у нас такого добра завал, а у них времени воспользоваться уже нет, – и перевел взгляд на плененных. – Последние пожелания будут? – молчание. – Священника у нас нет, сами понимаете, но ведь вы атеисты. Платки?

– Нет, благодарю господин капрал, – ответил Бругейра. Он стоял чуть впереди, будто пытаясь закрыть грудью свой отряд. Лулу смотрел на капрала исподлобья, Рафа покачивал головой, Чавито покусывал губы и мял пальцы. Словно ему не терпелось сорваться в последний бой, до которого он так и не добрался.

– Контадор точно убит? – вдруг не выдержал Даниэль. Капрал кивнул.

– У меня нет с собой его документов, но уж поверь на слово. К нему многие стягиваются, верно, был последним оплотом ваших в Барселоне. А вы… надеюсь, последние, кто до него пытается добраться. Сегодня перед рассветом три отряда поймали, – он помолчал. – Количеством побольше, чем вы, но из всех сдалось только двое. Видимо, вправду последний бой.

– Наверное, нам лучше отвернуться, – предложил Нандо. – Чтоб вашим ребятам сподручнее стрелять было.

Капрал поморщился, сразу все поняв

– Я сам, – вынул наган из кобуры. – Даже лишняя останется.

– Приберегите, капрал, – заметил Рафа. – Она вам еще может ой как понадобится.

– Война кончилась, – жестко ответил тот. – Если вы действительно последние, завтра в Барселоне пройдет парад. Хоть народ вздохнет с облегчением. Да и мне моих надо распускать. Устали.

– Все устали, – согласился Нандо. – Не тяните.

– Как скажете, – и обернувшись к своим, выделил одного: – Рауль, поднимись, сообщи штабу, что отряд некоего Фернандо Бругейры, из пяти человек пойман и ликвидирован. Давай, сынок. А вы, – он посмотрел, как поднимается рядовой, самый молодой из солдат, на его спине камнем висела тяжеленная рация, – вы сдайте документы. Благодарю. И прощайте.

– До встречи, – не выдержав, улыбнулся Рафа.

– Но пасаран, – тихо произнес Чавито.

– Прощайте, – ответствовал Нандо.

Когда выстрелы стихли, капрал прошелся вдоль тел, примечая, все ли ладно он сделал. Добрая работа, убиты с первого выстрела, никто не мучился. Убрав наган в кобуру, он принялся медленно подниматься, вслед за своими подчиненными по лестнице в винокурню.

Только тогда Айгнер отлепился от стены и медленно выбрался из ниши. Пулемет он оставил, снял ленты, ровно путы, вышел на середину подвала. Едва заметный свет сочился с верха лестницы. Он вынул из кармана наган, высыпал патроны, все, кроме одного. Молча попрощался с товарищами, не найдя нужных слов. Вздохнул и осторожно подошел к лестнице, нащупывая разваливавшимся сапогом первую ступеньку. Стал осторожно взбираться.

Наверху он неожиданно вспомнил песню «Ай, Кармела», появившуюся еще в первый год войны. До этого республиканцы перепевали «Интернационал» или «Варшавянку», а потом кто-то написал сперва эту, а потом и другие. Айгнер и сейчас, насвистывая мотив, задумался, почему же песни гражданской войны такие печальные. Без решимости, без пафоса, без нажима. Не сравнить с напевами других стран. Будто авторам заранее известно, чем кончится война. Или они раньше всех поняли, что она принесет в дома каждого?

Он вышел на улицу, продолжая насвистывать. Яркое солнце почти не грело, безоблачное небо превратилось в цинковую крышу. И только море чернело, разрезая мир на две неравные доли, уходя к горизонту флагом погибшей державы.

Короткий хлопок заставил песню замолкнуть. Тело осело в придорожную пыль. Удивительная тишина воцарилась в городе. Будто не стало в нем уже никого.

Последний выстрел

Кен Белл: «Сержант Маршалл из горных стрелков Калгари в Капеллене, Бельгия»

Характеры и особенности реальных исторических персоналий в этой повести являются плодом воображения автора. В некоторых случаях изменены должности или места пребывания личностей. Главные герои так же полностью вымышлены.

1.

– Господа, прошу, садитесь, – премьер-министр указал на кресла напротив стола. Пока гости рассаживались, поинтересовался напитками. Оба почти синхронно отказались. – Если не возражаете, я закурю. Дело довольно деликатное, но сулящее множество проблем. Так что, вы зря отказались от бренди.

Наступила пауза. Приглашенные руководители МИ-6 и Управления специальных операций молчали. Некоторое время им вторил и хозяин кабинета. Пауза протянулась минуту, перешла к другой. Первым не выдержал Колин Габбинс.

– Господин премьер-министр, – чуть приподнявшись в кресле, произнес глава УСО, совсем недавно занявший эту должность. – Я полагаю, вы хотите предложить нам нечто…

– Даже более важное, чем вы полагаете. Как вы знаете, в мае мы планируем открыть второй фронт в Нормандии. К сожалению, не на Балканах, я понимаю ваше разочарование, господин Габбинс, ваше и вашего бывшего патрона. Но, – он развел руками, пыхнув сигарой, – таковы условия сделки. Будем идти к Берлину длинным путем.

Черчилль чуть приподнялся, немного нависнув над столом. У Габбинса снова возникло непреодолимое желание подняться. При виде убеленного сединами премьера у него частенько возникало устремление стать во фрунт. Вроде ничего особенного, слабый здоровьем, немолодой человек, много пьющий и курящий, но в минуты, подобные этой, разительно меняющийся. Не внешне, внутренне. Он говорил, вернувшись из Тегерана, что подобное ощущение постоянно испытывал в моменты, когда входил Сталин. Одновременно, подшучивая над Рузвельтом, который в силу естественных причин не мог вытянуться перед советским диктатором.

Но и сам мог быть таким же властным и решительным и свою властность он буквально вдавливал в головы собравшихся.

– Я бы очень хотел, – продолжил он, снова усевшись, – чтобы этот долгий и трудный путь, несомненно, усеянный трупами наших солдат, сократился до пределов, хотя бы по времени. Эйзенхауэр, не владея ситуацией в полной мере, заявляет, что союзные войска дойдут до Берлина к рождеству. Этому рождеству, надо полагать, иначе янки не было бы смысла бравировать. Вы знаете мое отношение к генералу, но очень хотелось бы, чтобы он оказался прав. Поэтому я и собрал вас здесь, – помолчав чуть, и снова обведя взглядом руководителей спецслужб, он продолжил. – Я хотел услышать от вас ответ на один простой вопрос. Можно ли устранить Адольфа Гитлера нашими усилиями? – Стюарт Мензис хотел что-то произнести, но премьер его опередил. – Я не спрашиваю о сроках, о способах, даже о текущей необходимости. Я лишь задаю вот этот вопрос. Да, господин Мензис, вы что-то хотели сказать?

– Сэр, вы же прекрасно знаете нашу организацию. Мы работаем не взрывами и выстрелами, но в лайковых перчатках. МИ-6 сторонится даже мыслить о подобных авантюрах. Для этого из состава службы и было создано Управление, – он кивнул в сторону Габбинса. Тот немного помолчал.

– Задача не просто сложная, она… Мне трудно с ходу ответить, сэр, УСО не сталкивалось с подобным прежде. Вот СИС да, имело практический опыт подобного рода, в тридцать девятом, когда с ними на контакт вышли люди из абвера. Вам хорошо известно, господин премьер-министр, что закончилась та история довольно мрачно: вся агентура оказалась разгромлена, связи оборваны. Мы сейчас пытаемся возместить потери. Но нам катастрофически не хватает людей. Особенно, в Германии.

– Насколько мне известно, в Германии немало ваших людей, господин Мензис, – заметил премьер. Глава МИ-6 склонил голову.

– И да и нет, господин премьер. СИС располагает, на первый взгляд. внушительной агентурой, но лучше спросите меня, что это за люди. За все время работы нам ни разу не удалось подобраться хотя бы к одному из руководителей Рейха, да что руководителей, втереться в доверие ко вторым, третьим лицам, помощникам и адъютантам. Все, кого мы завербовали, работают, в лучшем случае, в одном подразделении с помощниками адъютантов тех, к которым мы никак не можем получить доступ. Я больше скажу…

– Подождите, господин Мензис. Мне нужны не оправдания неудач, а надежда. Вы можете обнадежить, если не меня, то господина Габбинса?

– Простите?

– Я знаю, что после провала операции «Северный полюс», ваши пути разошлись. Вы стараетесь не рисковать вашими агентами, что логично и верно, а управление лишилось практического доступа к каким бы то ни было серьезным операциям. В настоящий момент, каждая организация действует сама по себе. Но сейчас я бы хотел вернуться к прежним отношениям, какие были во время покушения на Гейдриха.

– Чтобы после него мы получили новое Лидице только в масштабах Германии? Простите меня, господин премьер-министр, но я не готов рискнуть всеми ради одного маленького, но пафосного дельца, вряд ли сильно изменившего в лучшую сторону ситуацию на фронте.

– Вы полагаете убийство Гитлера просто пшиком? – удивленно спросил Габбинс, поворачиваясь к коллеге. – Я думаю, эффект от устранения первого лица, полубога, будет огромным.

– По своей бездумной разрушительности, да. Господин Габбинс, вы здесь новенький, вы еще не наработали достаточного опыта…

– Простите, господин Мензис, но мой послужной список…

– Я говорю о посте, – отчеканил глава МИ-6, но продолжить не смог, его тут же перебил премьер. Мензис умел постоять за себя и чувств, подобных тем, что испытывал при словах Черчилля его коллега, не испытывал. – И о резонансе тоже, господин премьер-министр.

– Вы думаете, режим диктатора, полностью контролирующего Третий Рейх, продолжит существовать после его ликвидации? Простите мне мои сомнения, но я может, что-то недочитал в ваших рапортах, замазанных черным.

Мензис кашлянул, недобро посмотрев в сторону сперва одного, затем другого собеседника.

– Полагаю, сэр, в настоящий момент, Гитлера следует оставить в покое и вот почему. Его место может занять человек, куда более сведущий в военных делах, скажем, Гиммлер. Да, я как и вы, господин премьер-министр, имею поверхностное представление о делах верхушки Рейха, но позвольте заметить: СС самая сильная и влиятельная из всех силовых структур Германии. Кому, как не ее главе занять такой пост. Особенно, когда фюрер не назначает преемника и, больше того, никому не дает стать своим любимчиком. После того, как один из таких улетел к нам.

– Второго, спешу заметить, ликвидировало наше управление, – неожиданно для себя влез Габбинс.

– И получили… Про Лидице я уже говорил, но повторюсь: тот же Гиммлер устроит месть, почище сожжения этой деревеньки.

– Но вы сами же сообщали, что фюрер не хочет прихода к власти Гиммлера настолько, что сейчас создает план, на случай возможного восстания войск СС,

Мензис помедлил, снова пристально вглядываясь в лицо Габбинса.

– Да, так и есть. Если СС взбунтуется, существует, пока еще теоретический, план по устранению первых лиц и предотвращению…

– Значит, не Гиммлер.

– Может, кто угодно. Но, в любом случае, гореть будет…

– Господин Мензис, вы уже говорили об огне, – произнес доселе молчавший Черчилль. – Перейдите к другим доводам, прошу вас. К тому же, хотел бы заметить вскользь, что после убийства Гейдриха мы наблюдали значительную переброску войск с Восточного фронта. Сейчас подобное вряд ли случится. Так что, слушаю вас.

– Как прикажете, – на премьера он даже не обернулся, по-прежнему смотрел только на коллегу из УСО. – Самая мысль о том, что фюрера убьет британская разведка, уничтожит все наши наработки в плане послевоенного переустройства мира. Неужели вы думаете, немцы согласятся с тем, что их полубога взорвали или застрелили ненавистные им британцы? Они будут мстить. И эта месть обойдется нам куда дороже, нежели любая причуда самого фюрера. Мы получим партизанщину на десятилетия.

– То есть, вы хотите сказать, что убийство должно совершить Сопротивление? – вдруг спросил Черчилль. Глава МИ-6 удивленно глянул на премьера.

– Я этого не говорил, но подобное развитие событий не представляется возможным. Зная германское Сопротивление, способное, разве что голос Лондона слушать.

– Ну а что же мешает вам, вашим агентам, помочь ему? Или это должны сделать люди из УСО?

Наступило неловкое молчание. Черчилль допил бренди и долго смотрел на Мензиса, тот не отводил взгляда. Наконец, игра закончилась. Премьер опустил пустой стакан на стол и холодно произнес:

– Господин Мензис, давайте оставим препирательства. Мы просто теряем время, все устали, день был долгим.

– Как и все предыдущие, господин….

– Тем более. Поэтому, прежде всего. я хотел бы получить ответ от господина Габбинса. Скажите просто, да или нет.

– Я полагаю, да, сэр, – неожиданно уверенно произнес глава УСО. Упрямство Мензиса было тому виной или неожиданно вспыхнувшее воспоминание о недавнем визите Гитлера

во Францию, трудно сказать. А может, Габбинс просто хотел доказать коллеге, что не является проходной фигурой, назначенной исключительно потому, что прежнего руководителя управления выгнали после разгрома агентуры в все той же треклятой Голландии. Больше пятидесяти человек попало в руки гестапо. Конечно, МИ-6 со своей стороны, не сделало ни одного шага на помощь, напротив, человек, сидевший в соседнем кресле, фактически утопил главу УСО. – Да, но только разработка операции займет довольно долгое время. Вы ведь понимаете, нам недостает многого. Хотя опыта в диверсионных делах у нас имеется достаточно, это факт. И именно исходя из прежних покушений, я могу сказать, что управлению, в таком деле, необходима поддержка.

– Я понимаю, – согласился премьер. – Полагаю, хорошо все обдумав, господин Мензис пойдет вам навстречу.

– Я еще не высказал всех своих возражений, сэр.

– Думаю, высказать вы их еще успеете. Пока же вы меня не убедили.

Глава МИ-6 поняв, что никакого понимания от премьера не добьется, покачал головой и произнес, оглянувшись на главу УСО:

– При одном условии. Сотрудники вашего Немецкого отдела будут участвовать в наших операциях. Не задавая лишних вопросов. И я оставляю за собой право отказать вам в дельнейшей помощи по операции, после ознакомления с полученными данными. На любом этапе, – добавил он, поджав губы. Габбинс качнул головой, но согласился.

2.

– Добрый день, Найджел.

– Мисс Артертон, рад вас видеть, – он поднялся из-за стола, подошел. Ее ладонь оказалась холодной и чуть влажной. А вроде за окном не холодно, льет дождь, но… – Вы с новостью?

– И да, и нет, – молодая женщина, немногим за тридцать, подошла к доске, на которой они развешивали варианты, долго смотрела на фотографию замка, после чего произнесла. – С начальством вышла проблема. Господин Торнли одобрить наш проект отказался. Сослался на недостаточную уверенность в успехе и не слишком проработанный сценарий. Но передал папку главе управления, Колину Габбинсу, вероятно, у них есть такая договоренность.

– С отрицательным штемпелем? – уточнил Найджел. Женщина кивнула. – Жаль.

– И нам надо еще найти снайпера, – напомнила Диана.

– Говорящего на немецком, я помню, – кивнул он. – А что Майкл Бинхем, разве он такой плохой кандидат?

– Он в санчасти, – мисс Артертон погладила фотографию замка и поглядела на соседнюю: улыбающегося молодого человека в военном френче. Самого Бинхема. Затем сняла. – И такое бывает.

– Подождите. Я все же хотел бы встретиться с ним.

– Зачем?

– Мало ли что. Может, все не так серьезно, как говорят медики.

– Но, Найджел, снайпер, потерявший точность, нам не нужен. Давайте, пройдемся еще раз по списку претендентов. Или лучше, до решения шефа, давайте отложим наши дела и сходим в кафе напротив.

Он улыбнулся в ответ на ее улыбку.

– Вы меня приглашаете?

– Как незамужняя женщина незамужнего мужчину, – Мюир взял плащ и последовал за мисс Артертон. Странно, но даже в мыслях, он ни разу не называл ее иначе, как по фамилии. А ведь их отношения можно назвать дружескими. Столько времени вместе, сейчас ему кажется странным, что на первых порах он никак не мог привыкнуть к этой немного резкой, решительной, даже излишне, как ему казалось, самостоятельной и в оценках и суждениях,

женщине. Теперь уже не верится, что рано или поздно им предстоит разойтись. Ему вернуться к делам управления, ей переехать обратно в Бруклин, в кабинеты МИ-6, откуда она и прибыла поздней зимою, в самом начале февраля, в качестве связующего звена между СИС и УСО. Удивительно, насколько легко ей удалось влиться в новый коллектив.

– Надеюсь, оплата излишеств за мой счет, – произнес он, придерживая дверь. Диана обернулась.

– Даже не думайте, будем шиковать на мои талоны.

– Но мисс Артертон…, – согласно закону о труде, женщины не могли получать вровень с мужчинами, даже занимая их должности. Даже находясь на особом счету и в особых организациях. От двух третей до трети зарплаты, это все, что им полагалось. И нынешнее правительство уперто настаивало на своем, несмотря на отчаянный натиск со стороны суфражисток. Впрочем, экономически подобное унижение теперь оправдывалось войной.

– Даже не заикайтесь, – они вышли на улицу. Бейкер-стрит в этот час пустовала, редкие автомобили прокатывались по ней, прохожие только сейчас убирали зонтики, выходя из подъездов и выглядывая небо в просветах крыш. Тяжелые тучи уходили на восток, в сторону Канала. – Мы с вами сделали важное дело, вы сделали. А если оно пройдет, вот тогда гулять будем на все ваши скромные шиллинги.

Диана взяла его под руку. Так, словно замужняя пара в воскресный день, они и прошли в кафе «Медная лилия», располагавшегося чуть дальше по улице, на пересечении с Дорсет-стрит. Оба часто заходили сюда, и не столько потому, что владелица кафе так же работала на управление. Просто хорошая кухня.

Внутри полутемного помещения – несмотря на прошедший дождь никто не раздвинул занавески на окнах – в этот час находилось всего несколько человек, всех их хорошо знал Найджел. Коллеги по Немецкому отделу, сидевшее в уголке начальство отдела Франции. Поприветствовав первых и осторожно обогнув последних – с прежним руководителем дела у Мюира так и не сложились – он провел Диану к излюбленному ими уголку. Миссис Кендалл, подойдя, тотчас сообщила, что из всего разнообразия меню есть бульон, салат и сэндвич с индейкой.

– Мясо ждем в среду, – добавила она, едва заметно оглянувшись по сторонам. – Так что, на обед приходите пораньше.

Гости синхронно кивнули, улыбнувшись, попросила чай и сэндвич, то же заказал и Найджел. Хотелось взять рислинг, но не разорять же знакомую еще и живыми деньгами. Вот, если все получится, они пошикуют.

Кажется, мисс Артертон прочла его мысли.

– Найджел, да не переживайте вы так. Главное, вы смогли положительно ответить на вопрос премьер-министра. Да, мы можем убить Гитлера, вы подробно описали как, где, в какой срок и каким образом. У нас есть люди, способные выполнить эту задачу, вот прямо сейчас не все еще собраны, но, я говорила, снайпера всегда можно найти.

– Не такого, как Бинхем. Но да, вы правы. Не хотелось бы приглашать кого-то со стороны, не из наших.

– Согласна, – решительно кивнула Диана, чуть отстранившись, когда миссис Кендалл принесла заказ. Индейка оказалась суховата и жестковата, видно, родилась еще до Битвы за Англию.

Сейчас мисс Артертон вдруг снова продемонстрировала себя – как в первый день визита в УСО, как в первую размолвку с Найджелом, когда она смогла разрушить четыре его плана покушения одним только фактом. Мюир вышел из себя, выскочил из кабинета, грохнув дверью и долго стоял в коридоре, приходя в себя. Когда вернулся, Диана единственным словом согласилась с его вспышкой. И этим как-то мгновенно успокоила Найджела. Он извинился, та только плечами повела – работа, всякое бывает. Тем более, он столько времени, два месяца, готовил план покушения в поезде, вернее, сразу четыре независимых плана – яд в пище, под-

рыв купе, покушение на станции и авианалет на сам поезд фюрера. И все рухнуло одной только фразой: все агенты, сосредоточенные МИ-6 на выяснении планов Гитлера, как один, подтвердили – невозможно узнать куда и когда отправится фюрер. Маршрут движения неизвестен даже машинисту, о прибытии на ту или иную станцию состава сообщают за пять минут до появления паровоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.